

**«ДНЕВНИК СТАЛ ПОТРЕБНОСТЬЮ...»:
ДНЕВНИК Е. А. БОРОНИНОЙ**

(Публикация Т. С. Царьковой)

Детская писательница Екатерина Алексеевна Боронина родилась в Петербурге 3 апр. 1907 г. в семье кондуктора инженерных войск. В 1917 г. поступила в первый класс казенной женской Петровской гимназии. После Октябрьской революции состав гимназии был слит с бывшей частной мужской гимназией, так образовалась 190-я Единая Трудовая школа, о которой с большой любовью и теплотой писала Боронина в автобиографии 1948 г.:¹

«Годы обучения в единой трудовой школе были интереснейшими годами моего детства. Несмотря на множество бытовых и житейских тягот, которые были неизбежны в те годы, когда шла Гражданская война и полчища интервентов осаждали молодую Советскую Республику, школа, где я училась, жила напряженной, полнокровной жизнью. Хотя мы учились в нетопленых классах и у нас не было тетрадей, а подчас и чернил, мы были энергичны, веселы, а главное – спаяны между собою настоящей коллективной дружбою. Мы приобретали свои знания не только на уроках, но и во множестве кружков и научных обществах, которые были созданы в школе с помощью наших учителей. Тогда не было еще ни Дворца Пионеров, ни Детских домов Культуры, ни Районных Домов Пионера и школьника. Вся жизнь учащихся протекала в стенах самой школы. До хрипоты мы спорили в литературных кружках и в „Дискуссионном клубе“ о самых высоких материях, цитировали в подтверждение своих мыслей и высказывания писателей, и высказывания философов – от Аристотеля до Маркса, прибегали к авторитетам людей науки, а иногда попросту и друг друга. <...> Мы ходили в музеи – Русского Искусства, Эрмитаж, писали доклады для исторического кружка и на отвлеченные темы, например, „Роль лич-

---

¹ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 66, л. 1–2.

ности в истории“, и на темы, посвященные прошлому города. Ездили мы в далекие естественнонаучные экскурсии – на Хибины, в Мурманск (1921 г.), на водопад Кивач, побывали на биологической станции под Мурманском, плавали на пароходах в наших северных морях и по Северной Двине. Устраивались в нашей школе и специальные исторические экскурсии – в города Суздальской Руси (Ростов, Суздаль, Владимир, Ярославль) и в Москву. В Москву в 1923 г. ездил почти весь мой класс. Мы осматривали художественно-исторические достопримечательности столицы, побывали в кремлевских теремах, Грановитой палате, изучали и современный быт города. А вечером непременно шли в театры – в Московский Художественный, в театр Революции, Камерный. Времена тогда были не очень сытые и одеты мы были неважно, я, например, ходила в старых огромных солдатских ботинках, но нетерпеливый интерес к окружающему и к знаниям заставлял забывать обо всем этом. <...> Приходилось нам пилить дрова для школы, самим убирать класс, коридоры, зал – мыть полы, окна, – но эта работа шла всегда дружно, весело, почти, как игра. Были у нас и мастерские – столярная и переплетная».

И далее о том, как сами ученики расчистили школьный двор от свалки и построили на нем стадион, а еще оборудовали в здании сцену и создали свой общешкольный театр. Несомненно, этот юношеский энтузиазм и память о самодеятельных спектаклях сказались в творческой биографии детской писательницы, последние произведения Борониной – драматические, ее послевоенные пьесы шли на сцене ТЮЗа во второй половине 1940-х гг.

По окончании школы с 1924 по 1929 г. училась на Высших гос. курсах искусствоведения при Государственном Институте истории искусств (ВГКИ при ГИИИ). В студенческие годы зарабатывала на жизнь, трудясь землекопом на прокладке водопровода за Невской заставой, курьером на заводе, грузчицей в порту, статистом на кино-съемках, корреспондентом в газете.

В 1926 г. за потайную работу в анархо-синдикалистском кружке Боронина была арестована. Среди студентов, проходивших по следствию, была и ее близкая подруга Лидия Корнеевна Чуковская, в дальнейшем принимавшая вместе со своим отцом К. И. Чуковским участие в ее судьбе. В отличие от Чуковской, Боронина, приговоренная к трехгодичной ссылке в Ташкент, дала там подписку ГПУ, согласно которой обязывалась никогда не участвовать ни в какой контрреволюционной организации, и выступила в местной

газете с покаянным письмом.² В начале 1928 г. она вернулась в Ленинград.

Первые писательские публикации Борониной появились в журналах «Еж», «Юный ударник» и др. Первая книжка вышла в 1931 г. – «Звериный доктор» – о лечении зверей в Ленинградском зоосаде. Почти одновременно с ней – вторая – «А можно ли?», в которой «маленький смешной человечек по фамилии Уклейкин беседовал с разными учеными о пластических операциях».³ Боронина начала писать детские рассказы для журналов «Чиж» и «Костер», продолжали выходить ее детские книжки, своим учителем в детской литературе она считала С. Я. Маршака. В 1934 г. была принята в Союз советских писателей.

Всю блокаду писательница жила в Ленинграде. Писала для детского отдела радиовещания: очерки о городе, рассказы на военные темы, инсценировки классики, сценарии детских радиопраздников, обзоры «Пионерской правды». Выезжала в воинские части и госпитали, где читала свои рассказы, беседовала с ранеными солдатами и офицерами. Была бойцом МПВО, дежурила в пожарном звене дома, где жила – на Петроградской стороне, Барочная улица, 4.

Муж Борониной – Сергей Исаакович Хмельницкий тоже был писателем и тоже в годы войны работал для Радиокомитета. Кроме того, он вел большую общественную работу в Союзе писателей. Павел Лукницкий вспоминал о нем: «...тишайший и скромнейший человек, который, несмотря на тяжелую форму астмы, возглавлял отдел пропаганды художественной литературы. Это дело требовало от него невероятной энергии и самоотверженности. Принимая заявки от госпиталей и учреждений, Хмельницкий организовал в них литературные выступления писателей. В самые тяжелые месяцы – декабрь–январь – не было отвергнуто ни одной заявки. Многие писатели совершали дальние „пешие переходы“ (например, в Лесной), чтобы выступить в каком-либо госпитале. В их числе были и О. Берггольц, и В. Кетлинская, и Л. Рахманов, Е. Рысс, С. Хмельницкий, Г. Гор, В. Волженин, Черноков и десятки других, находящихся в крайней степени истощения».⁴

В 1945 г. выходит книжка Борониной «Таинственный подарок» – повесть о трех мальчиках, которые в тайне от своей учительницы ре-

---

² Подробнее об этом см.: *Чуковская Л.* В поисках мировоззрения // Звезда. 1999. № 9. С. 86–116; *Разумов А.* Памяти юности Лидии Чуковской // Там же. С. 120–123, 130–133 (далее – *Разумов А.*).

³ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 66, л. 4.

⁴ *Лукницкий П.* Ленинград действует... Фронтовой дневник. Первый год войны. 2-е изд. М., 1971. Кн. 1. С. 551–552.

монтируют ее квартиру, пострадавшую в годы блокады. В 1946 г. – повесть «Удивительный заклад», которая в соавторстве с драматургом Софией Давыдовной Зельцер была положена в основу одноименной пьесы, поставленной на сцене ТЮЗа. Вторая пьеса тех же авторов «Испытание» (1946) шла в том же театре в 1947 г.

В 1948 г. Боронина завершила повесть «Большие годы», которой придавала особое значение, так как действие ее разворачивалось в 1939–1942 гг., т. е. в военное и блокадное время. Известно, что положительный отзыв на рукопись повести дала В. Кетлинская. Произведение не было опубликовано, машинопись хранится в архиве.⁵

Однако вскоре судьба писательницы резко и трагически изменилась. В 1950 г. она была арестована и осуждена по статье 58, п. 10, ч. II сроком на 10 лет. Местом отбывания наказания были назначены мордовские лагеря, где узнице надлежало отрабатывать и томиться до 30 октября 1960 г. Сама Боронина, ознакомленная с делом, считала, что центральным пунктом обвинения против нее стало ее выступление на совещании при редакции журн. «Ленинград» по поводу «Короткого рассказа». В архиве сохранился черновик ее обращения в ЦК КПСС 1954 г., где она обосновывает именно эту причину и называет имена доносчиков.⁶ Боронина имела наивность утверждать в дискуссии, что рассказ не обязательно должен иметь оптимистический конец. К сожалению, конец и ее недолгой жизни оптимистичным не назовешь. В лагере она почти совсем ослепла, сказались и другие, приобретенные в блокаду заболевания. Познакомившаяся с Борониной в лагерном стационаре Римма Ильинична Луцик, осужденная, а во время войны – технический переводчик с английского, работавшая с американцами, вспоминала: встретила ее «пожилая, тяжело больная женщина. Замкнутая, не желающая входить в контакты, недоверчивая, чем-то глубоко подавленная. Иногда, когда позволяли силы, она прогуливалась вокруг санчасти. Небольшого роста, полноватая, в очках с очень толстыми стеклами. Как я узнала, – ленинградская писательница Екатерина Алексеевна Боронина. Меня это взволновало; живо вспомнился родной город, зимний снежный день, в который я услышала передачу „Удивительный заклад“. Я рассказала ей об этом. Так родилась наша дружба. Между нами была разница в 15 лет.

---

⁵ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 3.

⁶ Там же, № 70. В действительности сумма судебных обвинений была больше, и решающим из них явилось то, что Боронина проходила в суде как «повторница». Подробнее об этом см.: *Разумов А. С.* 132.

В том, 1952 году, Екатерина Алексеевна выглядела гораздо старше своих 45 лет, но отношениям нашим это не мешало.

Мы вспоминали о красотах Ленинграда, вели разговоры о литературе, о любимом нами писателе Кнуде Гамсуне. Постепенно она утрачивала свою замкнутость, оттаивала, хотя для совместных прогулок времени выдавалось немного – я уже выписалась из стационара и работала в швейном цехе, где шили военные бушлаты. Нередко Екатерину Алексеевну мучили сердечные приступы, и тогда она вынуждена была лежать. Родственников, которые бы с нею поддерживали связь, у нее не было, посылок она не получала.

Знакомство наше длилось около года, потом Борониной стало много хуже и ее отправили в Центральный лазарет».⁷

В это свидетельство вкралась одна неточность. В Ленинграде у Борониной оставались родственники, и она получала от них разрешенные посылки и письма.⁸ Однако в последние два года ответных писем от мужа не приходило. Догадывалась о худшем, но только накануне освобождения получила известие от родных о том, что Сергей Исаакович умер в 1952 г.

Работавший со следственным делом Борониной Анатолий Разумов пишет: «1 ноября 1954 года Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, отменила постановление Особого совещания при МГБ СССР, решив прекратить ее дело и освободить ее из-под стражи. В Ленинград она возвращалась через Москву.

Из дневника Л. К. Чуковской:

9/XI 54 Приехала Катя Боронина. Жила у меня. <...>

Катя тяжела. Стенокардия, ревматизм, утрата зрения в одном глазу – полная, в другом – почти. <...> Я купила ей билет, проводила на вокзал и мы шли с ней по платформе 25 минут – она не в силах была дойти до вагона. Но это не тяжело, это только вызывает жалость и память. А сама она мне не понравилась. Дурно говорит о людях; злобно, несправедливо, неблагодарно. С юности она любила быть таинственной, многозначительной; теперь это возросло в 100 раз.

Но все это – бог с ней, бог с ней. Надо спасать остаток ее жизни, затоптанной.

И Корней Иванович сделал запись о том же: „Был на минутку дома. Видел Катю Боронину. Такое впечатление, будто ее только что

---

⁷ http://www.belousenko.com/wr_Dicharov_Raspyatyel_Boronina.htm.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 71–72.

переехал грузовик. В каких-то отрепьях, с одним поврежденным глазом, с хриплым голосом, изнуренная базедом – одна из сотен тысяч невинных жертв Берии. Я рад, что мне посчастливилось вытащить ее из ада».⁹

Екатерина Алексеевна на свободе прожила совсем недолго. 29 мая 1955 г. ее не стало.

Личный архив Борониной поступил в Пушкинский Дом так же, как и архив ее мужа, в 1966 г. от ее золовки Евгении Исааковны Хмельницкой.

Хронологические рамки дневниковых записей Борониной: 10 сент. 1941 г. (начало массированных обстрелов и бомбардировок города) – 2 мая 1945 г. (взятие Берлина), с 1944 г. записи становятся нерегулярными. Дневники представляют собой 7 маленьких (карманных) блокнотов, которые удобно было брать с собой в бомбоубежище, и 5 тетрадей. Всего 440 листов, исписанных с обеих сторон карандашом и авторучкой. Распространенные записи соседствуют с конспективными, по стилю характерными для записных книжек. Они заносились для памяти, отсюда ряды назывных предложений: остальное потом дополнится, осмыслится. Писательские дневники в точном смысле этого понятия. Боронина намеревалась вернуться к ним – развить какие-то сюжеты в художественной прозе (что и осуществилось) или, обработав, опубликовать как документ времени (и такая попытка ею предпринималась, но не была осуществлена).

Писатель предполагает читателя. Прямых обращений к читателю, конечно, нет, но он выступает в подтексте, в интонациях. Опыт первого ареста не прошел для Борониной даром. Она старается быть осторожной в высказываниях, подключает автоцензуру, часто декларативно заявляет о своем патриотизме. Эти оглядки, хоть и оказались в итоге напрасными, были провидческими. В обращении 1954 г. из лагеря в ЦК КПСС Боронина пишет о том, что ее дневники просматривались и в них не нашли ничего антисоветского. Об этом говорит и тот факт, что дневники вернули, не приобщив к делу, хотя весьма вероятно, что подчеркивания красным карандашом в текстах сделаны именно читателем из следственных органов.

Так же, как и в большинстве блокадных дневников, Боронина в своих записях отмечает начала воздушных тревог, их продолжительность, места бомбежек и артобстрелов в городе, изменения норм выдачи хлеба по карточкам, известия Совинформбюро о положении

---

⁹ Разумов А. С. 133.

на фронтах, работу радиовещания, транспорта, водопровода и телефонной сети. Но есть темы особенно, по-писательски, ей дорогие. Она пристально всматривается в меняющееся поведение детей. Если в записи от 10 окт. 1941 г., в начале блокады, говорится о том, что дети, проводившие с мамами в бомбоубежищах по 4–5 и более часов, «очень распустились внешне. Днем они ничем не заняты», то позднее, с усилением трудностей блокадной жизни, потерей сил и подвижности и уже появившейся привычкой к убежищному быту, замечается: «Дети стали более дисциплинированные, тихие». И разговоры у них меняются: если в октябре: о чем шепчутся? «Наверное, у них есть свои тайны, обиды, не имеющие отношения ко всему происходящему», то в декабре: «Дети в бомбоубежищах говорят об еде. Фантазируют. Им хочется пирожного. Только по одному пирожному».

Рисуются героические детские характеры – мальчик, пришедший с оккупированной территории, где по приказу немцев он должен был рыть могилу своему расстрелянному отцу, а теперь живет с одной целью – отомстить фашистам и характеры надломленные непереносимым голодом, подтолкнувшим к воровству, жестокости по отношению к чужим или самым близким людям.

Остановимся на дневниковом эпизоде – детально выписанной, со слов очевидицы, смерти 12-летнего мальчика Вити. Спустя время, может быть еще в блокаду, Боронина напишет небольшой, трехстраничный рассказ «Мать»,¹⁰ в котором смерть сына становится побудительной причиной для героини, учительницы, воспитательницы детского дома, идти сражаться, убивать убийц. Он дается в публикации в «Приложении» к дневникам, дабы читатель мог сравнить сухую, наждачно раздражающую душу стилистику документальной записи от 20 янв. 1942 г. и пафосную, идеологически продуманную подачу этого страшного события, ставшего литературным сюжетом.

Вторая тематическая особенность этих дневников – наполненность сведениями о литературной жизни и писательском быте Ленинграда. Они поданы лаконично, это опять же записи для себя – остальное вспомнится. Описание условий пребывания в стационарах, куда однажды случилось попасть дней на 10 и Борониной, встреч, разговоров и происшествий в писательской столовой: кражи обедов у коллег коллегами, обезумевшими от голода и утрат близких, редкие праздники со скудным застольем и чтением произведений о войне и блокаде с неудержимыми слезами авторов-чтецов.

---

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 11. Рассказ сохранился в машинописи. Б. д.

Хроникальность дневников позволяет обращаться к ним и как к документальному источнику. Так, именно по этим записям удалось установить более точные даты смерти и обстоятельства кончины писателей В. И. Валова, Л. С. Савельева и др.

Еще одна тема, проходящая красной нитью через дневниковые тексты 1941 г., – это поляризация в сознании автора интеллигенции – ей поется гимн – она читает, пишет, высоко мыслит – и теми, кого Боронина называет *чернью* (это слово несколько раз появляется в текстах), или иногда мягче – *мещанами*.

24 нояб. 1941 г.: «Мы все еще живы. В городе – голод, очереди. *Чернь распоясывается*».

4 дек. 1941 г.: «Вчера дежурила в радиокомитете. Патрульные бабы выли о голоде (все из крестьян, недавно в городе). Морды тупые. Никаких интересов. Это не кадровый ленинградский пролетарий, а так дерьмецо».

Потом эта социальная поляриность угасает. Есть всеобщая страшная трагедия, кто-то не выдерживает, тихо, безропотно умирает, есть подлецы, воры, хамы, убийцы, людоеды, но стилистически это уже сухая констатация, вся неиссякаемая ненависть писательницы обращена на фашистов и энергетика – на чувство мести. Буквально в каждой записи такой мотив: 7 янв. 1942 г.: «И все-таки мы никогда не сдадимся. Никогда. Умирает в эти дни 10–12 тысяч. В месяц это дает тысяч 250. <...> Хлеба и топлива, – вот главное для города. Как он замучен, мой город. Пусть Берлин испытает это на себе. Мúка за мúку. За смерть – сотни».

Тематический анализ можно продолжать. Но необходимо остановиться еще на одном аспекте – собственно текстологическом. Кроме этих блокнотов и тетрадей хранится в архиве 2-й экземпляр машинописи (86 стр.). Он охватывает период с 10 сент. 1941 по 10 февр. 1942 г., который мы в основном и воспроизводим в настоящем издании. Машинопись – это послевоенное переписывание дневников. Есть привнесенные фразы – итоговые, которые позволяют это утверждать. Повествование становится более гладким, распространенным. Уходит цепь назывных предложений. Еще заметнее подключается автоцензура, исключаются резкие персональные характеристики (Гофман, Хмельницкая и др.) – момент этической редактур. Появляются позднейшие фактические уточнения (инициалы, адреса и др.). Автор явно готовила дневник к публикации с естественной ориентацией на политические и стилистические нормы конца 1940–самого начала 1950-х гг. И когда встал перед публикатором выбор между этими

двумя источниками, была выбрана шероховатая, неотделанная рукопись – экспрессивная, надрывная, без позднейшего сглаживания содержания и стилистики.

В пользу этого выбора был еще один говорящий аргумент. После войны, до второго ареста, Боронина написала множество детских повестей, рассказов, пьес и радиосценариев. В черновиках есть прямые отсылки к дневникам – номер блокнота и дата, именно к блокнотам, а не к машинописи. Таким образом, сама писательница ценила первоисточники и работала с ними. Пришло время опубликовать их без купюр и любого другого вмешательства.

Текст дневников воспроизводится предельно точно, исправлены только явные описки. В угловых скобках раскрываются недописанные слова или пояснения публикатора. В квадратных скобках – зачеркнутые фрагменты текста.

10 сентября 1941 года.

Я только что разделась, чтобы лечь спать. Раздался вой сирены. И одновременно с ним грохот, дом весь задрожал, посыпались стекла, ощущение, что валится дом. Грохот такой: рухнуло раз, рухнуло два, рухнуло три. Этаж за этажом. На самом деле это несколько взрывов бомб.

Потом страшные крики. И все смолкло. Различить в этом аде звуки трудно. И ничего неизвестно. М<ожет> б<ыть>, рухнул дом напротив (это неверно). См. стр. 3.*

Я, Дуся, мама, Вера сели в прихожей. Мама не хотела без меня идти в газоубежище. Открылась дверь из комнаты Дуси. Потом мы пошли все вместе. Еще пошла Жулька. Она все время лаяла и металась. Побежала за нами. Стреляли зенитки. Стрельба зениток после того грохота казалась нестрашной. Прислушивались. Летели самолеты. «Это наши!».

«Это они!.. Другой шум моторов».

Там уже было полно. Бежали полураздетые люди, тащили детей. Какая-то мать забыла маленького ребенка дома. Другая несла ребенка вниз головой.

Ужас на лицах. Плакала Вера А. Накануне в бомбардировку убили Колю. Он ехал в машине. Прибежал какой-то человек, сказал, что

---

* *Примеч. автора.*

бомбы попали в дом на углу З<елениной> и Г<еслеровского>. Он помогал вытаскивать раненых. Сколько прошло времени – сказать трудно. По часам около $1\frac{1}{2}$ часа. Отбой.

Через несколько минут снова сирены. В газобуже<ище> хлынула еще толпа людей. Шум моторов немецких самолетов.

Стрельба из зениток почти непрерывная. Где-то глухие взрывы. Бомбят.

18/IX

Была в Союзе.¹ Стрельба. Разрывы. Отвечали наши орудия. Была на радио. В Детгиздате. Ехали с Шурой² через Двор<цовый> мост. Горит Сенат. Сволочи. Потом опять стрельба. Не производит впечатления. Боюсь только ночи.

Люди, которые были в момент бомбежки дома и бомбили их дом, не слышат грохота разрыва, который слышат в окружающих домах.

Ослепленные кварталы без окон. Как слепые люди с неподвижными глазами.

В городе спокойно 18 сент. Бомбардировка города снарядами. Сволочи. Люди лежали в трамвае на Дворц<овом> мосту. Потом вожатый пустил трамвай. «Бегите в Зимний». Снаряды попали в крыло Адмиралтейства.

Беженцы из Кировского района. Дети. Не успели взять документы. Вселение к Шуре. Разговор Шуры с девочкой о евреях. Откуда эта гадость у детей?

Звериные инстинкты. Сцена у трамвая. Окрики на людей с тюками. Никто не желает им помочь.

В газобуежище.

Дружно держатся старые жильцы, подбадривают друг друга.

Дети! Дети! Измученные бессонницей. С синими кругами под глазами. Желтые лица.

<22 IX> Памятник Пушкина зарывали в Лицейском сквере. Это было страшно. Большая четырехугольная яма, вырытая в глине (голубая).

Страшно, когда заколачивали на Невском первые этажи – магазины. Стук, как по крышке гроба.

Плакала, когда уходили корабли по Неве. Слава русского флота*.

Выключены телефоны. Нелепо. Нельзя узнать после бомбежек о близких.

Игорь. Очень страшно за него. Во время воздушной тревоги он похож на больного Тынянова.³ Та же пришибленность.

Ужасная усталость у людей в бомбоубежище. С каждым днем все сидят тише и тише. Очень замучены женщины с детьми.

Надежды на серое небо не сбываются. Сегодня, 22-го сентября, несмотря на серое небо и порывистый ветер, к 6 часам уже три тревоги.

Стрельба, стрельба. Звуки далекой бомбежки. Очень трудно выдерживать. Нервы никуда не годятся.

Смерть Александры Андреевны. Калека. Как страшно она хрипела. Зачем все эти вещи, о которых она так заботилась...

Бомба в середине Гост<инога> двора. Где Сережа?⁴ Ужасно ничего не знать о нем.

Страшное известие о Киеве.⁵ Усилием воли заставляешь себя не думать о том, что там сейчас делается.

Вчера с 21-го около 12 ночи в городе погас свет и перестало работать радио. Очень страшно. Через десять минут дали свет. Радио начало отбивать свои такты.

20-го утром была сброшена осколочная бомба на рынок в Нов<ой> Деревне, полный женщин. Почти с бреющего полета. Эта сволочь

---

* 17/X Да они же не уходили... Они шли на боевые рубежи в Ладугу. И все-таки больно (*Примеч. автора*).

видела, что здесь, кроме женщин, никого нет. Потом пришли санитары убирать раненых. Он, этот зверь, спустился снова и бросил опять бомбу.

Они, т. е. псы смердящие, бомбят специально госпитали.

Если я и мои близкие останутся живы, то психические жертвы не пропадут. Любопытство к жизни. Но я ничего не могу сейчас писать. Нужно, чтобы в душе отстоялись события. Я испытываю слишком большую ненависть к полулюдям-полузверям.

Мне хочется написать рассказ о чувстве родины.

23/IX

С 8 утра тревоги. К 7 вечера уже 11 тревог. Невозможно уйти из дома. Как будто бомбежек поблизости нет. Разрывов не слышно. Зенитки почти не стреляют. Идут воздушные бои.

Настроение у тех людей, что я вижу в доме, чуть лучше. Сегодня не чувствуется такого угнетения. Девушки с фабрики. Четверо. Толстые, веселые, курносые. «Мы ничего не боимся. Мы уж под огнем не раз бывали на окопах». Парень, с кот<орым> я разговаривала ночью сегодня, опять разговаривал со мной. Ему на вид лет 20. Очень верит в помощь Л<енингра>ду от армии Кулика.⁶

В темноте во время тревоги под лестницей какой-то гражданин, по виду вожатый, разглагольствовал на тему, что города разрушать нельзя и вести в городе бой бессмысленно. «Провести черту. Как дойдут до черты, так сдавать город. Город цел останется. Ну, пусть в нем германские рабочие жить будут». Когда В. М.⁷ остановила его разглагольствования, он сразу притворился ничего не понимающим и злобно заметил, что «вот все больно культурные». Сволочь! Такой будет участвовать и в погроме.

Заявление Д. «Я газетам не верю. Я верю только слухам». Дрянь!

Работница с Кр<асного> Зн<амени>⁸ из дома № 6. Очень хорошая женщина. Она каждый вечер с такой радостью говорит, сколько она сделала сегодня шлемов для армии. Очень добрая женщина с хорошей душой.

Вчера 23/IX – 13 тревог. Почти весь день с маленькими перерывами. Небо ясное. Ночь прошла спокойно. С 9-ти утра 24-го опять тревога. Небо серое. Стрельба из орудий.

Вчера 24-го спокойный день. Только две тревоги утром. Ночь без тревог. Встала в 3 ночи. Небо звездное. Разделась, легла.

Смерть Танечки Гуревич.⁹ Посылать самолет, бросить бомбу, которая убьет Танечку. Сволочи!

Впереди еще много смертей. Танечку жаль. Я ненавижу все сильнее их. Она была уверена, что не погибнет. Не хотела уйти в бомбоубежище.

Валя с крыши Дома книги слышала свист этой бомбы. Шура разговаривала с ней за 40 минут до смерти. Выражение ужаса на лице Танечки. Зажмуренные глаза и поднятая рука для защиты лица. Удар по затылку. Сегодня хоронили на Волковом.

10-го октября

Каждый день похож на другой. Особенно ночью. Луна, как ночное солнце. В 7.30 вечера начало тревог. Они продолжаются часами. 2, 4, 5, 6... Зенитки, зенитки. Шмельный гудеж немецких бомбардировщиков. Воеет, воеет над головами.

Ресторан Союза писателей. Очередь из голодных людей. «Больше обедов не будет». Хамы официанты. Они не ставят тарелки, а швыряют. Они больше не заискивают, как раньше.

Прожекторы на светлом ночном небе. Четверть суток это жизнь в подвалах. Холодно.

Когда очень хочется спать, тогда все равно. Пусть развалится дом.

Вчера, 9-го, раненый лейтенант рассказал о мальчике, который пришел в их часть. Сумка с 8900 р. и израненная рука. «Это за папа» (так. – Т. Ц.)... Как он стиснул зубы.

Хладнокровная, недетская злоба сына рабочего. Они хотели купить смерть отца за 8300 р. и 600 р. за две курицы. Значит, жизнь человека всего в 14 раз дороже жизни курицы. $8300 : 2 = 4150$. $4150 : 300 = 14$. Простая арифметика. Душа этого мальчика. Ясная, простая, цельная. Нельзя откупиться за смерть. Вот так же нельзя «купить» смерти Танечки.

Злоба, злоба.

Вчера, 9-го, опять приехал Моля. Он приходит как из другого мира. Женя уехала в Ульяновск. Там другая жизнь, там другой мир. Дай мне силы написать этот рассказ о мальчике.

До чего ужасна, бессмысленна война. Читаю «Войну и мир». Сейчас это особенно хорошо. Если бы немцы читали эту книгу, м<ожет> б<ыть>, они были бы лучше.

Одиночество мое во время тревог. Глупо, но, когда начинают стрелять зенитки близко, я ухожу вниз. Когда не слышишь, тогда легче.

Если бы мне надо было рано вставать, я бы, конечно, спала. Иначе человек не может жить.

Почему дают такие короткие отбои? Это хуже изводит людей. Они идут домой и снова бегут вниз.

Вот и сегодня так. С полвосьмого несколько отбоев. Сейчас уже час ночи. Сколько еще продлится тревога? Плач детей спросонок. Матери несут их в уборную. Кашель стариков и больных. Ужас, ужас.

Почему пять миллионов должны каждый день испытывать такие митарства? Голод, бомбежка, холод, работа. С точки зрения простого человеческого смысла это чудовищно. Неужели война не исчезнет с лица земли? Сколько у этих чудовищ самолетов?

Какая страшная жизнь. Все изменилось. Ты не в состоянии уже беспокоиться обо всех. Притупление чувств. Только злоба.

У меня нет желания писать письма. О чем, зачем. Они же там все равно не поймут. Это надо испытать самому. Описание не то. Только великий мастер слова сможет потом описать все это.

И все равно ведь они не победят и не станут счастливее.

Опять плачет ребенок во сне. М<ожет> б<ыть>, весь ужас здесь заставляет женщин легче переносить неизвестность за судьбу близких на фронте. Ожидание смерти, которая может прийти каждую секунду, естественно заставляет людей меньше думать и страдать за близких там на фронте.

Дети очень распустились внешне. Днем они ничем не заняты.

Девочка Вета Сергеева. 12 лет. Она скучает без школы. Организация библиотеки в газоубежище это возмещение здоровых инстинктов этой девочки – желание учиться, общественник. Я несколько раз спрашивала ее, боится ли она? «Нет, не боюсь». Мама ее говорит, что на самом деле она боится. Трогательно, что здесь, где много людей, она ни за что не хочет сознаться, что ей страшно.

О чем шепчется она по вечерам со своей приятельницей? Наверное, у них есть свои тайны, обиды, не имеющие отношения ко всему происходящему.

А в общем большинство людей очень устало. Надо иметь железное здоровье и нервы.

Рабочий городок около одного из строителств. Летом женщины, живущие там, не хотели рыть щели. Начались бомбежки. В два дня вырыли себе индивидуальные щели, перетаскили туда вещи, навесили замки.

На днях на городок упали зажигательные бомбы. Одна из женщин мигом бросилась в барак, схватила две подушки, потащила их в щель. Ребенка она забыла в бараке. После окрика соседей вернулась, схватила ребенка, потащила вместе с подушками. По дороге выронила ребенка. В щель его принесла соседка. Случайно ребенка не затоптали сбежавшиеся люди.

Утром было собрание. На собрании выступала В. М. Она рассказала об этом факте с негодованием. Тогда выступила женщина, бросившая ребенка. «Вот вы, В. М., очень умная, а не понимаете: был бы мужик, будет и ребенок, а уж подушек таких у меня больше не будет».

Это фронт в тылу. Фронт собственника и мещанина.

11/X

Тревога с 11 вечера, небо опять очистилось. Днем тихо. Вчера шел первый снег.

8900 рублей

Сад был таким, как всегда. Цветы.

Он роет могилу.

«...когда нет труса впереди, который закричит: „Мы отрезаны!“ и побежит, а есть веселый, смелый человек впереди, который крикнет: „Ура!“ – отряд в 5 тысяч стоит 30-ти тысяч...»

«Война и мир» ч. III г. XI.

<16/X> две ночи без тревог. Сводки, заставляющие страдать. Что-то будет? Сегодня, 16-го, очень подавленное настроение у всех. Как Москва? Что там? Неужели наша армия не вынесет этого удара? Обращение ЦК германской компартии к рабочим и крестьянам Германии.¹⁰

Тревога в 7 ч. 30 м. горит Народный дом. Страшное зарево. Через полтора часа потушили.

В 12 ч. 30 м. опять тревога. Сразу где-то бахнуло. Кончилось в 1 ч. 30 м.

Потом опять тревога.

Летают наши ястребки.

17/X

Страшные сводки. «Обе стороны несут тяжелые потери». Если бы я верила в бога, я бы сказала: «Господи, спаси мою родину!».

Танки грохочут по улицам.

Стрельба была.

В 7 ч. 15 м. тревога. Пожары, пожары...

О! Проклятые!

Юноши в летней спецшколе. Суровость лиц, подтянутость.

Вчера встретила Регину. Она стала старухой. Тамара С. худая, замученная, скрывающая личное горе.

Как растревоженный муравейник люди в газозубежище.

И все-таки мы победим. Если я перестану верить в это – тогда жизнь не нужна. Дальше все неинтересно. Нельзя закабалить русский народ.

Нет, нельзя. Этого не будет. Не может этого быть.

Все читают «Войну и мир». Разговор в ресторане Союза со Шв<арцем>¹¹ об определении Толстым как бывают самоуверенны разные национальности. Противное ощущение – сидеть и ждать, когда завоюет сирена.

Рассказ Шварца о разговоре двух работниц в трамвае, которые топят печи незагоревшимися зажигательными бомбами.

28/X

Сережа уехал вчера в Колпино. Увижу ли я его? Сегодня после девяти дней тишины без двадцати восемь вечера тревога. Пурга. Снег. Бомба попала почти рядом, Зеленина 22. Дрогнул пол.

2/XI

Вчера Сережа приехал. Много впечатлений. Сегодня уехал опять до 6-го.

Несколько дней артиллерийский обстрел города. Сволочи! Сволочи! Тревоги, бомбежка, голод, героизм одних, пакость и мелкотравчатость других. Моя родина, родная, окровавленная, истерзанная...

Замечательные дети приходили вчера на радио. Особенно мальчик Толя Серебряков и Люся Малярова. Из этих детей вырастут настоящие люди – товарищи, которые не предадут. В этих детях превосходные моральные устои и человеческая доброта. Лица у них обыкновенные, русские. Сероглазые. Много скромности. И помполит хорошая девушка Танечка Волошина. Много энергии, веселья, порыва.

4/XI

Вчера, позавчера артобстрел города то днем, то ночью. Мигает электричество. Грохот разрывов снарядов. Снова бомбежки. Сегодня к 9 вечера уже шестая тревога. Вчера бомбы на Выборгской. Опять жертвы. Где-то сегодня. Нева замерзает. Утром 10 градусов мороза.

Особенно звонко играют дудки на кораблях на Неве, когда возвращаются из Союза. От мороза порозовели сегодня лица у людей. Как много голодных. Земличный цвет. Есть опухшие лица.

7/XI

24-ая годовщина.

Вечер. Жужжит в небе наш патрульный самолет. Темно. Тучи. Идет снег. Где-то неподалеку рвутся снаряды. Негодяи, негодяи....

Речь Сталина на параде в Москве. Уверенность. Гнев, великий гнев зреет в народе моей родины. И силой страшной, яростной, несказанной обрушимся мы на стаю шакалов, немецких варваров. Как земля носит на себе эту пададь, эти отбросы человечества.

Опять разрыв снаряда. Еще, еще. Ближе. Вдрагивают стекла. Мигает свет. О, чудовища. Нет для вас на моем родном языке слов бранных, которые могли бы воздать вам должное.

И я хочу жить, жить, чтобы увидеть растоптанную Германию. Эта страна должна понести заслуженную кару.

14/XI

Ужасный день, ужасная ночь.

Непрерывные тревоги, тревоги...

Ночью разрывы бомб поблизости. Один за другим, один за другим. В газобезопасище не спали всю ночь. Ракеты освещают звездное небо. Светло. Впечатление сцены. Направо, за домом горела Новая Деревня.

Люди ничего не могут сегодня получить по карточкам. Нет ничего в лавках и опять тревоги, тревоги. Никуда нельзя уйти. Я не знаю, что с Сережей, Шурой.

Звонила на радио. Шуры еще нет. Наверное, была дома? Звонила Вале на службу. Она там, но я не разговаривала с ней. Она куда-то вышла.

Сколько голодных, истощенных лиц. «Они» хотят сломать нашу волю голодом и бомбежками. Сколько дней эта сволочь будет так мучить людей?

Шум истребителей в небе. Тишина. Ужасающий грохот зениток. В ночь на 14-ое стакан от зенитного снаряда в доме напротив пробил крышу, перекрытие, прошел два матраца на кровати, врезался в пол. На кровати спали двое людей. Стакан пробил матрац в нескольких сантиметрах от их ног. Судьба.

Что на фронте? Неужели сомкнулось кольцо и у Т<ихвина?>. Пробьемся ли.

Застывший город, скованная льдом Нева. Дымят трубы заводов. На сколько нам хватит угля, металла, воли?

Впереди может быть гораздо тяжелее. Только бы устоять, не отдать им города, моря, флота.

Скоро, наверное, кончится тревога и через несколько минут, полчаса, час опять.

Утром в 7 часов толпы людей на остановке на Зелениной. Под ногами битое стекло. Ведь они должны попасть на работу. Когда они попадут?

Хочется спать, но каждый раз будит ужасающий грохот зениток. Так раньше они не били. Эти дни они стали особенно звучны, лающи. Их грохот напоминает грохот обвала.

Ночью не работало в доме радио. К утру починили.

Вчера в столовой Союза старик Десницкий¹² складывал свою порцию манной каши в баночку. Спрятал две косточки от компота. Эйхенбаум¹³ тоже жене свою порцию компота. Так делают многие. Вместо хлеба у некоторых к обеду лепешка из дуранды. А в общем там много противных, грубых, думающих и говорящих только об еде типов. Масса каких-то парнишек. Я их никогда раньше не видела. Жалкие старики Клейнборт,¹⁴ Эдуард Эдуардович (Зигфрид),¹⁵ Ганзен Анна Васильевна¹⁶ совсем вдруг состарилась.

Все спешат.

В такие дни, как вчера и сегодня, невозможно писать. В газобуе шумно, нервно.

Трудно видеть муки людей. А много среди них мелких душ. Собственники, склочники.

Воскресенье – 16-е ноября.

Опять, как вчера, удивительный день. Голубое небо весь день. Звездные вечера и ночи. Капает с крыш. Похоже на весну. Люди звереют от голода (очереди, очереди, пустые лавки).

Неужели они, гады, возьмут нас измором? Только не так. Лучше в бою сдаться, чем от голода. Сережа голодный утром. У Шурки. Смерть Мих. М.

Звонила Валя. Их вчера выселили из дома. Неразорвавшаяся бомба.

Сколько еще недель можно вынести такую жизнь? Нет передышки у людей. А главное голод. Что-то еще будет впереди? Замерзнет вода, не будет света? Выдержат ли тогда?..

Если представить себе всю муку, которую терпят ленинградцы? Нет, представить себе этого нельзя.

11 вечера. Недавно кончилась тревога. Измученность. Одиночество. Чужие люди, чужие разговоры. Я думаю о моей стране. Как страшно она истерзана. Мы недоедали столько лет, и теперь кучка мерзавцев погнала в нашу страну миллионы зверей для того, чтобы они уничтожили то, куда вложены миллиарды человеко-часов. Горе, радость, творчество, мысли, коллективная воля народа.

Страна моя, бедная...

Играют Интернационал за стеной (радио).

Что в Москве.

И в эту самую минуту люди на полях сражений умирают, их ранят, они навеки остаются калеками.

Это чудовишно, чтобы кучка людей, посаженных на самолеты, заставляла 4 миллиона людей в течение нескольких часов ждать смерти. Нет, надо только вдуматься в это. До чего страшна техника в злобных руках.

Асладзе¹⁷ – певица, дура.

Рассказывает мне. «Знаете, почему Анастасия Ник. (ее соседка по квартире) не ходит в газубежище? Она сказала мне, что пусть меня засыплет здесь. А так как она не желает быть засыпанной вместе со мной, то и не ходит. Понимаете, ее собачка все время лезет ко мне в комнату. Анаст<асия> Ник. и говорит мне: „Это она чувствует, что вас засыпет“. Нет, вы понимаете. Вот она и не ходит сюда. Сидит наверху».

Ее муж «квакша». Вор, развратник, дурак. Разговоры об устройстве блинов в газубежище, где сидят голодные люди. Потом разговоры о том, что «вот в такие ночи немцы будут спускать на город парашютистов». Говорит все это по глупости. Вечно врет. Гадюка.

Дети стали гораздо дисциплинированнее. Их легко успокоить, когда они шалят. В ответ не грубят, как раньше.

Сегодня (20/XI) в булочной разговоры: «пусть один конец, но конец». «Что же вы хотите? Немцы придут. Они ведь тоже не накормят».

Растерянность на лицах. Кондукторша: «Хлеб из страны тогда привезут». «Так ведь никто из нашей страны им хлеба не даст». Опять растерянность. «А зачем их так близко подпустили?». Тон злобный. «Ну, товарищи, потерпите. Трудно, но потерпите». Молчание. Потом женщина в меховом жакете, на вид служащая, говорит: «Русский народ терпеливый. Он вынесет. Я сама ничего. А вот сын пухнет. Он всеобуч проходит. Молодой, растет. Очень тяжело на него смотреть».

Кл. Як. говорит: «А зачем работать? Деньги не нужны. Лучше лечь и лежать. На этот паек не наработаешься». Нет, они мещане, не понимают. Меня ничто не может поколебать. Ленинград останется наш. Война уже на переломе. Вершина преодолена. Теперь немцы начнут скатываться вниз. У-у-у, негодяи. Страшно думать о Киеве, об Одессе.

Днем ни одной тревоги. Пасмурно. Идет снег. Потеплело. Тьма. Уже 10 ч. 30 вечера. Непривычно, что сидишь дома, а не там внизу.

Сереза забегал, не застал. Утром был тоже. Принес обед. Беденький, он очень голодный. Чем ему помочь? И Валя голодная. Какая все-таки сила у интеллигенции.

Сегодня почти кончила очерк об почте в Париже 1870 года. Завтра его отвезу. Сегодня передавали «Севаст<опольский> мальчишка». ¹⁸ Завтра продолжение.

Мы наступаем. Вышибаем мразь из нашей земли. Их надо уничтожать так, как уничтожают паразитов. Давить. Выковыривать. Ненависть, ненависть, еще раз ненависть. Смерть за смерть. Что они сделали с миром, что они сделали с миллионом людей. Боже, боже.

Если я останусь жива, с какой страстью и ненавистью я буду писать о пережитом. И самое мерзкое – погнубить от бомбежки. Рухнет дом и все кончено. В этом есть что-то ужасное по своей бессмыслице. Так гибнут сотни. За что? Для чего? Что они, немцы, будут от этого счастливее? Какая чушь.

24/XI 41 г.

Мы все еще живы. В городе – голод. Очереди. Чернь распоясывается.¹⁹ Опять наступление на Москву. Дай нам сил отстоять столицу русской земли, советской земли. Несколько дней эти сволочи опять обстреливали город. Позавчера шли из Союза – Сережа, Рахманов,²⁰ я. Свист тяжелых снарядов над головой, как полет шмелей.

Два дня нет тревог ни днем ни ночью. Пасмурно. Временами идет снег.

Ночью изредка слышны разрывы снарядов. Потом гул наших орудий. Днем часто выключают электричество. У меня еще целы окна. Я могу работать днем.

Позавчера дежурила у телефона. Девушки – патрульные. Хороший народ. Смешной старик Гордон.²¹ Утешает девушек. Одна говорила: «Вот он придет ночью, поговорит, всегда хорошее скажет и на душе легче». Гордон говорил: «Я всю ночь читаю исторические романы». – «А спите когда?» – «Урывками». – «А книги в библиотеке берете?» – «У меня своих много. Я покупаю. Больше сейчас деньги не на что тратить».

Немцы в Тихвин сунулись. Думали, теми запасами, что для нас, ленинградцев, приготовили, пользоваться. И по морде получили. Верьте, верьте, все хорошо будет.

С. вошел на кухню. Думал, что меня нет дома. Со злорадством говорил В. «В Одессе они расправились с жидами. 22 тысячи угробили». Все, что он способен сказать. Вот что читает эта чернь в газете. Больше ее ничто не интересует. Звереет от голода. Радио выключает. «Все вранье».

24/XI

В «Последний час».²² Разгром немецких дивизий под Ростовом.²³ Стрельба из орудий. В 2 ч. 40 м. дня тревога. Сижу в Радиокomitee. Шура – тень. Тикает метроном. Телефоны не звучат. Очень тихо. Тревога уже два часа. «Дадут по килограмму сыру!». Все перешептываются. «Когда будут давать сегодня или завтра?».

Шла домой почти всю дорогу пешком. Переехала Троицкий мост. Потом опять пешком. Свист снарядов над головой, тихий, пищащий. Выхлоп, эхо, свист. Значит наши. Изредка слышны разрывы. Где-то далеко. Это чужие.

Какой страшный Невский. Как его изуродовали, проклятые. Как вывернуты в районе Д<ома> книги окна, дворы. Этот дом на углу Канала Грибоедова... У-у-у, гады!

Хлеб сегодня почти одна дуранда. Мокрый.

25/XI

Четырехчасовая тревога днем. У нас, на Петр<оградской>, тихо. Изредка зенитки. Ночью изредка оруд<ийные> залпы. Вечером несколько минут сильная стрельба наших дальнобойных. Две-три минуты.

Все труднее получать продукты. Очереди ждущих, когда привезут что-нибудь. Тревоги все нарушают. Во многих домах весь день не горит электричество. В бомбоубежищах темно. Нет керосина, свечей. Какие-то обезумевшие женщины на улицах в очереди. Они не слушают того, что им говоришь. Бестолково мечутся. Запомнилась одна, в очках, в черной шляпе. Она цеплялась за очередь, как безумная. Она даже не спрашивала, что дают.

По дороге к Сереже. Женщина, молодая, в платочке, с узелком. Под глазами огромные мешки – опухоль. Разговоры о том, что с 1-го вместо хлеба дуранда. Была бы и она. Неужели голод заставит сдать-ся? Ни за что. Ни за что.

Какая тишина сейчас на улице. А ночи какие тихие. И вдруг выстрел, дребезжание стекол.

Небо сейчас мутное, серое, петербургское. И где-то там «они», звери, летящие на машинах. Старый бухгалтер. Живет в третьем этаже. Его комната с одной стороны имеет наружную стену. В комнате большой камин.

Во время тревоги забирался в камин. Рассказывал: «Я в полной безопасности. С одной стороны комнаты – брандмауер. В углу камин. Как тревога – я сажусь в камин. По-моему, надежно». В дом попала бомба. Отвалилась часть брандмауера, камин треснул. «Вы понимаете, – говорит бухгалтер, – я немного ошибся. Оказывается, это было не так надежно. А я-то столько недель считал себя в полной безопасности...».

Тревога продолжается. То гудит в выси «их» бомбардировщик, то несутся наши истребители. Что там видно, за этой серой мглой неба?

Вал<ентина> Мих<айловна> сегодня проводит собрание на Выборгской. Вернется ли?

Сережа раздраженный. Видела его утром. Ушел в Союз. Он плохо приспособляется к быт<овым> неудобствам. Не сообразителен. Тося испортил<а?> замок на двери. Не мог как следует вставить. Ничтожество. Шура написала ему записку. До чего все мерзко.

А я хочу жить. Я хочу увидеть, как они, немцы, будут наказаны за свои злодеяния. Вчера фельетон Эренбурга.²⁴ «Они» назначили уже хозяина земли русской – Адольфа Розенберга. «Миф 20-го века».²⁵ Гнусняк, интеллектуальный садист. И еще Адольф Миллер. До чего противно.

Выстрелы. Где-то упали три бомбы. Сколько убитых, искалеченных. И опять тишина. И опять неизвестность.

И то же серое небо. Уже 2 часа дня. Тревога началась в 12 ч. 25 минут. Сколько это еще продлится сегодня. А под этим небом, в этом городе 4 миллиона. И они должны жить, думать, работать. И каждый сейчас в напряжении. Одни это скрывают, другие нет. Вот и вся разница.

Кончилась тревога около 4-х.

В пять взрыв, где-то рядом. Снаряд, бомба, зенитка? Опять взрыв. Тревога. Тишина. Через минуту – две тревоги по радио. По-видимому, первая тревога была дана местным штабом после внезапно сброшенной бомбы.

В шесть тридцать отбой. Свист снарядов. Теперь тишина. Из-за тревог трудно получить даже хлеб. Когда же те, кто работает, попадут домой? Где Сережа, что с ним? Что с Валеи, со всеми? И так каждый день.

27 ноября.

Вчера в 9 часов пришел Сережа. Шел пешком. Злой, усталый. Украли в Союзе мой обед (кашу с селедками) и часть его обеда, который он оставил себе на ужин. Очень это переживал. Едва его успокоила (маниакальность).

В темноте я шла из булочной и несла, прижимая к себе, полкило хлеба из дуранды. И мне стало легко на душе. Ведь я несу хлеб своей страны. Пусть из дуранды, пусть крохи, но это хлеб свой, родимый. Где-то рвались в городе снаряды. Очереди, крики из магазинов. Злоба черни в булочной.

Тревога началась в 12 ч. 15 м. дня. Кончилась в 5 ч. 45 м. Итого 5 ч. 30 минут. Боже, боже. И это в голодном городе. Значит, специ-

ально. Выдержит ли население? Садисты, мерзавцы, твари. И неужели они не получают за это достойной расплаты?

А что завтра? А послезавтра?

А сейчас они опять, наверное, начнут артобстрел.

Ночь прошла спокойно.

Изредка выстрелы.

Вечером долго не работало радио.

Провокаторы распространяют слухи, что город будет сдан, что войска уходят...

28/ХІ

Сегодня сволочи прилетели в 11 ч. 50 м. утра. Сережа пошел в Союз в 12 часов. Пешком. Дошел благополучно. Заснула в 3 часа.

Кончилась тревога без 15 минут пять. Опять 5 с половиной часов.

Упали поблизости три бомбы.

Опять прыгал дом. Ничего, привыкаем.

Вечером опять были у Вал<ентины> Мих<айловны>. Так легче. Одной невозможно. Радио в нашем квартале не работает.

Превосходная статья Орбели в Лен. правде от 27-го.²⁶

Да, да, они должны будут трудом искупить свои преступления.

Какая несчастная, нечеловеческая война. А ленинградцы – герои. Вот ударят морозы покрепче. Неужели не погоним их прочь? Погоним, погоним, заставим за все расплатиться. Расквитаемся. О, только бы дожить до этого.

30 ноября, воскресенье.

Вчера тревога началась в начале двенадцатого. В два дня кончилась. Дождь, слякоть, туман.

Очереди, очереди...

Краснофлотец пьяный ломался около очереди. «Ждете? Ждите. Как же, дождетесь. С голоду подохнете». Сам вертлявый, смазливый, маленького роста. Шапка-ушанка. Смуглый. Из ленинградской шпаны. Баба его остановила: «Ну, иди, иди, куда шел...».

Мат, «весь мир б., а все б.»

– «Ты-то с голоду не помираешь... Ишь какой гладкий», – говорит старуха.

– И мы подохнем...

Женщина из очереди со злобой:

– Это ты врешь, краснофлотец, кого-кого, а вас, балтийцев, кормят.

– Кормят?.. (мат).

– Да, кормят. У меня у самой муж краснофлотец.

Парень пьяным движением держит себя за шинель.

– Сорок две раны. Не пересчитаешь.

– Ну, иди, иди, нашел чем взять.

Парень снимает ушанку. Крестится.

– Коммунист, а в бога верю, бабы. Ей-богу верю.

Опять крестится.

Две старухи из очереди с презрением:

– На бога нас не возьмешь. Катись, катись.

Я подхожу. Прошу его уйти. Мат. Шатается меньше. Уходит. Догоняет женщину с ребенком на руках. Жена. Здоровенная, толстомордая, шуба хорошая.

– Уведите мужа, зачем он женщин мутит...

– А вам что?

Парень опять входит в пьяный раж.

– Да, я с фронта... Пусть расстреливают. Я за правду...

Поспешно смываются.

Кто он? Дурак, шпана, провокатор?

По виду расхлябанный, может, и на корабле не был. В писарях здесь сидит. Гад.

30.XI. 11 ч. 30 м. вечера.

Кончилась тревога. Сколько их сегодня! Часами. 311 по счету с начала войны. Гады, гады... Я чувствую, что уже очень устала.

Додумала сегодня рассказ о мальчике. Напишу ли?

Был Сережа. Голодный. Выпил пива, съел два сухаря. Пошел обедать в столовую Ленфильма. Тревога, артобстрел. Тревога.

Опять бомбили около Кировского моста. Вечером тихо. Небо ясное. Ложусь спать. Хлеба на завтра нет. Не получила еще карточек.

Радость. Победа под Ростовом.²⁷ Узнала поздно.

Весь день не работало в доме радио. Газета вечером.

1 декабря, понедельник.

Тревога в 9 утра. Небо серое. Тихо. Жужжат истребители. Ночью выстрелов не было. Тактика понятна: не давать возможности купить хлеб, получить карточки. Расчет на сдачу города с помощью внутреннего озлобления. Не выйдет! Выдержат.

В 10 ч. 5 м. тревога кончилась. Когда новая? Через десять минут? Через полчаса, через час? Через три? В 12 начался артобстрел. Снаря-

ды рвутся где-то на Петроградской. Треск разрывов, шум истребителя нашего.

...жалкий человек.
Чего он хочет!... Небо ясно
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?!²⁸

Опять была тревога.

Женщине из соседней квартиры оторвало снарядом ногу. Умерла через 10 минут. Мать кричала. Из соседних квартир доносятся какие-то вопли. Не то ребенок плачет, не то взрослый.

Опять обстрел. Окна дрожат. Тревоги с 5 ч. 45 до 7-ми. С 9-ти до 11. Пришел Сережа. Хороший вечер.

2 декабря. Утро.

Небо серое, тихо. Стрельбы пока нет. 10 часов.

Сережа рассказал:

Один управхоз, чтобы повлиять на жильцов, не желающих спускаться в бомбоубежище, вывесил объявление: «Хладнокровие ведет к излишним жертвам».

Около трех тревога до четырех с чем-то. Где-то поблизости упали четыре бомбы. От последней шатался дом. Стрельбы артиллерийской не слышно. Уже 6 ч. 30 м.

Чудные известия о ростовском фронте. Дай боже, дай боже.

Вчера Шура ничего не ела до 8 часов вечера.

Разговоры об эвакуации 1,5 млн.

3 декабря.

Тревога в 11 ч. 40 м.

Сережа приносил обед утром. Ушел в Детиздат, Союз. Завтра поедет в Смольный.

Шварц улетает. Этот человек держался достойно.

По-видимому, блокада будет прервана не так скоро. Немцы сильно укрепились вокруг.

Дети в бомбоубежищах говорят об еде. Фантазируют. Им хочется пирожного. Только по одному пирожному.

4 декабря.

Вчера дежурила у телефона. Патрульные бабы выли о голоде (все из крестьян, недавно в городе). Морды тупые. Никаких интересов. Это не кадровый ленингр<адский> пролетариат, а так, дерьмецо.

Эвакуир<оваться> не хотят. Как же мы уедем, да все бросим. «Ну, так не войте здесь!» – «Да мы ничего».

Из разговора дальше выясняется, что у них есть еще зеленая капуста, было много зерна (собирали рожь на правом берегу Невы).

Просто удивительно, как эти люди ничему не научились. Все получают первую категорию.

Вся злоба у них на лавочников. «Ишь, толстомордые. Сами жрут в три горла».

5/ХІІ.

Вчера несколько тревог. Днем. Ночью в 12.30 до 1 ч. 50. До этого артобстрел. Потом тоже. 4 бомбы.

Сегодня артобстрел нашего района с 3 ч. 30 м. Недолго. В 5 ч. 30 тревога. Была на службе у В. М. Мылась в кочегарке. Утром пили кофе с Сережей. Настроение хорошее, хотя объективно в Л-де мрачно. Тревога до 8 ч.

Асладзе рассказывала:

«Наша актерская бригада, которая в Кронштадт ездила, погибла. Есть убитые, раненые. Но самое интересное! В чемоданах, кот<орые> они везли, нашли 17 шкаликов спирта!..».

Тревога с 9 ч. 40 м. до 10 ч. 15 м. У нас было тихо.

6 декабря.

С утра Сережа, Шура. Шура совершенно истощена. Взяла с собой чуточку каши и кусочек хлеба, дурандовый. Это до понедельника.

Развешивала лапшу. 125 гр. Шуре. 200 маме. Маше 75 гр. амер<иканских> консервов на декаду. (Это наш пай.)

Эвакуация, по-видимому, прекращена.

Очереди, очереди. Сегодня утром 13^о мороза. Слухи в очередях о прибавке хлеба.

Вистоим ли? Неужели возьмут голодом?.. Это самое страшное. Что здесь тогда будет?

На кладбищах очереди к могильщикам. Надо рыть самим могилы. Привозят даже без гробов, на саночках, оставляют на снегу мертвых.

Привыкаешь ко всему. К бомбам, к артобстрелу. Мы живем на фронте. Человек не может всегда испытывать страх, иначе он гибнет. Такие сейчас гибнут. Выживают приспособленные. Закон Дарвина.

И все еще ходят трамваи, и есть вода. Это героизм.

9/XII.

Вечером сегодня трамваи не ходят. Вчера снег, заносы.

Канонада далекая. Налетов нет три дня. Погода нелетная.

Эвакуация. В Союзе все хотят уехать. Дали слив<очного> масла на первую декаду. В магазинах нет электричества.

Объявление на дверях булочной.

Граждане! Утеряны пять карточек. Три детских, одна служащая, одна иждивенческая. Фамилия, адрес. Граждане! Умоляем нашедшего вернуть. Граждане! Не обрекайте семью на муки.

Приписка.

Очень просим вернуть.

Семья...

Англия объявила войну Финляндии, Венгрии, Румынии 6 декабря в 0 часов. Япония объявила войну США и Англии.

Напала внезапно, как Германия на нас. Сука!

Какой странный город сейчас. Полумертвый, притихший, снежный.

Люди идут по мостовой, сугробы. Саночки тащат.

Самая чернь, конечно, не желает уезжать. Она уходит с работы, бережет силы, выжидает. Она надеется на сдачу города.

Старухи шипящие, потерявшие голову.

Жизнь сейчас очень интересна. Надо смотреть, смотреть и ненавидеть, ненавидеть...

10/XII.

Мы взяли Тихвин. Армия Шмидта наголову разбита. Ура!²⁹

Сегодня тишина. Трамваи не ходят. Снег идет. Сережа пошел опять пешком. Налетов нет. Где-то за тучами летают наши самолеты.

Мороз 14–15°.

11/XII.

Пошли трамваи. Настроение в городе лучше.

В трамвае шел разговор между женщинами о хлебе. Вмешалась, ободрила людей. С каким волнением эти женщины говорили: «Мы все перенесем. Только бы их проклятых выгнать».

Это героизм простых людей, героизм души русского народа.

Нет, вот эти женщины были настоящие люди. «Какие муки мы вынесли. И не зря, не зря».

На Невском утром много народу. Шли трамваи. Дворники мели панели. Радио сообщило об обстреле какого-то района. Все спокойны. Ко всему привыкли. Лица только очень истощенные. Есть опухшие, желтые. Глаза провалились как-то, обострились носы. Закутаны многие в несусветные платки.

Разгром немцев под Ельцом.³⁰ 10 ч. 30 м. вечера. Валит густой снег. Тьма такая, что не найти дверей лестницы. Тишина, тишина... Вспышки трамваев.

12 декабря.

Всю ночь снегопад. Утром все бело, сугробы, трамваи встали. Чистят пути. Погода прояснилась. Голубое небо, солнце.

Речь Рузвельта к амер<иканскому> народу.³¹ Герм<ания> и Ит<алия> объявили войну США. Так! Теперь война мировая. Демократия или фашизм.

Страшная война, интересное время. Только бы его пережить.

Везут покойников на саночках. Кое-где люди идут за водой с ведрами. Зимой замерзла вода. В небе опять шум патрульных истребителей. Где-то стреляют – мы ли, по нас ли?

Стук метронома по радио. Тук-тук-тук. Похоже на весеннюю капель с крыш.

Сережа пошел утром пешком. Сегодня вечером будет дома принимать ванну. Брошюру свою он кончил.

Шура раздраженная, мало во что верит. Очень плохо выглядит. Тоже пошла пешком. Валя едва тащит ноги. Настроение хорошее. Сегодня работает дома. Шли по Малому вместе по сугробам. Обещала на днях прийти. У них тоже нет света. И горячее для коптилок кончается.

Пришла уборщица к Вал<ентине> Мих<айловне>.

– Грачева! Не могу больше работать. Умираю. Пойду сейчас лягу и умру.

– Ну, дорогая, не умирай сейчас. Ну, потерпи еще до 15-го. Ведь хлеба прибавят...

– Нет, не могу. Умру. Знаю – умру.

И верно, вид такой, что пойдет, ляжет и умрет. Потеряла веру.

– Ну, только до 15-го потерпи. Ну, ради меня. Еще четыре дня выдержи.

Думает, считает по пальцам:

– Да, четыре дня. Хорошо, до 15-го не умру. Ради вас только.

В. Мих. умоляла плотника сколотить гроб для умершего рабочего. Вечером сколотил, утром помер сам. Так его в эту домовину и положили.

Умирают тихо. Кто за столом сидя, кто в кровати. Ходит, работает и вдруг готов. Помер. Тихо, безропотно.

15/ХІІ.41 г.

Наша победа под Москвой!³² На душе легче, грянули морозы. Вчера, сегодня 18–22°. Деревья в инее. Изредка идут трамваи, часто не работает радио, нет света, плохо подается вода.

В доме за последние четыре дня четверо умерло. Все мужчины. Хлеба! Хлеба!

На Сытном рынке толкучка. Здесь голодные, спекулянты, просто зеваки. Меняют – масло, свечи, дуранду, керосин, хлеб, сахар, табак, валенки, буржуйки. На деньги ничего. Страшное зрелище.

К В. М. женщина привела плачущего пятилетнего мальчика. Он подобрал ключ к ее комнате и стащил лепешку. В комнату лазал дважды. Мальчик, плача, оправдывается: «Дак первый раз там же ничего не было. Только во второй раз я нашел лепешку».

Тревог нет. Каждый день недолго обстрел Петроградской. Агония немцев. Стреляют по жилым домам ежедневно. В ночь с 12 на 13-ое пожар в Сережином доме. Комната Сережи вся залита, проломлен потолок. Над ним сгорело два этажа. Встреча с пожарными. Начальник ленинградской технической команды. Худощавый, сероглазый, некрасивый. Очень интересовался книгами.

– Я никогда не ругаюсь. Это потому, что вырос в среде, где всегда была пьянка, ругань. Книги мои сгорели. А я их очень люблю.

Второй боец – здоровяк, русак типичный, с хитрецей. Тушил пожар от зажигательных на Обводном, 119. В дом попала фугасная. Сбросило с четвертого этажа. Только ранка на тыле ладони.

«Родился в сорочке». Рядом стоял товарищ – убило наповал.

Соседей Гофманов убило снарядом. Оторвало руки, ноги.

16/ХІІ.

6 ч. вечера. Свет не горит. Коптилка. Только что пришла домой. Была в Радиокomitee, потом в Союзе. Полусолнечный день, белая Нева. Везут на санках гробы, некрашенные, сколоченные наспех. Сколько покойников.

Умерла от голода Варя Наумова.³³ Умер отец Таси. Умер отчим Пановой.³⁴ Умер Крайский.³⁵

Варя позавчера приходила за обедом синяя, распухшая. Мать 70 лет жива. Страшно. У меня нет мужества зайти туда.

Мерецков³⁶ позавчера подошел к Чудову. Вчера немцев отогнали на 18 км от Волховстроя. Бои за Новгород. От Тихвина осталось пепелище.

Валя Литвиченко читает сейчас рассказ Золя «Осада мельницы». Страшно слышать сейчас ее голос. Только что видела там, на радио. Савельев погиб во время отправки в Кронштадт от бомбежки с воздуха.³⁷

18/ХІІ.

Клин, Коломна, Ясная Поляна. Трофеи.

Родина моя, несчастная, истерзанная... И мы найдем силы, чтобы снова восстановить все разрушенное, сожженное, поруганное. Своею черною кровью удобряют немцы наши поля. Горек им будет наш хлеб, горек...

Умирают люди, все больше и больше. И все ближе час победы. Только бы дожить. Ну, еще десять дней протянуть, ну, две недели.

Вода замерзла, живем с коптилками. Мать моя, по-видимому, сошла с ума.

Коты умирают с голода. Ничего не могут достать по карточкам. Бабушка уже не встает. Ел. Сем. не ходит на работу.

Умирает Михайлов,³⁸ Валов.³⁹ Их отправляют в больницу. Тамара Хмельницкая⁴⁰ совершенно истощена. Володя Орлов⁴¹ плох. Элико⁴² беременна. Ей тоже трудно выдержать. Скорей бы сняли блокаду, скорей, скорей. Дети умирают пачками.

Старуха на вид полуинтеллигентная. Типичная бабушка, у кот<орой> много внуков. Верит в бога.

– Ненавижу я его одноглазого, – говорит она, – скоро ли конец нашим мукам будет...

– Да кто это одноглазый?..

– Кто? Гитлер, милая, Гитлер. У-у-у, ненавижу проклятого.

– Ну, мы его dokonчим, бабушка.

– Да может и dokonчим, только нам-то, ленинградцам, не дожить. Попрем все.

– Потерпи, бабушка, немножко потерпи. Скоро блокаду прорвут. Хлеба привезут.

– О, голубушка, я все согласна вытерпеть, только бы увидеть, как антихриста в клетку посадят и по всей вселенной повезут. По-нашему, по-православному, он-то и есть антихрист. Понимаешь, милая, антихрист он... Самый настоящий...

Налетов нет. Трамваи идут – плохо, но идут. Маршруты фантастические. Кондукторы злые, не говорят, куда идет трамвай. Все лезут как попало. Давка, злоба. Везут буржуйки, мешки, одеяла, машины швейные. Пальто грязные, нечищенные. Вымыться в бане уже невозможно.

Убирают снег женщины у домов. Трудповинность. Движения вялые, мертвые.

19 декабря.

Меня шатает. Ноги идут плохо. Очень рассеянное внимание.

Смерти, смерти, смерти.

Изредка артобстрелы.

Привыкаем к свисту снарядов.

Слег Эйхенбаум.

У Шуры пухнет над глазами.

Мерецков уже взял Погостье (85 км до Ленинграда) (до Мги осталось 26 км).⁴³

Болят глаза от копилки. Вода не идет. Замерзла.

Сегодня на лестнице мальчик вырвал хлеб у слепого.

Привезли мужчину и женщину с окопных работ и В. М. Умирили. Принесли им карточки первой категории. Уже поздно. Вложили в руки. Умерли. Комнату заперли. Через три дня пришла В. М. хоронить их. Карточки в руках зажаты, а хлеб за три дня получен. Уборщица пробиралась ночью и брала карточки.

Мальчик Витя, сын Феклы Алексеевны. Ходит занимать очередь в 3–4 часа ночи. Мерзнет. Валенки нет. Очень серьезный, не по летам стал взрослым. Рассудительный. Говорит ровно, спокойно, хозяйски.

Пекла лепешки из соевого кофе. Горькие, рассыпаются, вызывают жажду.

У мамы псих<ическое > расстройство. Вера умирает.⁴⁴

– Я от дома подальше уйду и умру, чтобы тебе не хоронить меня. Ты не беспокойся. Я хлопот не доставлю. А только я больше не могу. Чувствую – умираю.

Достала вместо крупы повидлы (200 г).

Спящая Красавица – Чайковского по радио.

Кругом тьма, тишина, в нескольких километрах умирают люди на фронте. Умирают в доме, где-то в соседних квартирах.

По слухам, немцы ушли из Пушкина. Собираются вон и из Урицка.⁴⁵ И за Чудское озеро. Показать бы им, вспомнить бы...

21/ХІІ.

Полгода войны.

Мерецков подходит.

Федюнский взял Войболово.⁴⁶

Умер Михайлов.

Вчера шли с Шурой вечером из Радиокomiteта. Мягкий вечер. Мертвый город. Обстрел. Люди идут по дороге. Саночки. Везут покойников. Трамваи стояли. Удивительные звуки скрипок.

Слег Эйхенбаум.

Гофман – св<олочь>.⁴⁷

Сегодня была у Вали. Плоха Ел. С., бабушка. Валя у нас. Накормили обедом. Уже больше месяца не ела она второго. Дала для Е. С. 4 кусочка сахара. Вчера Сережа получил бут<ылку> портвейна, изюм, какао. Обед сегодня мясной. Ели хлеб с маслом, лепешки. Носили с Вaley дрова, воду. Коптилка. Ничего не видно. Керосин кончается и для коптилок. Перейдем на лучину.

Около двух сильный обстрел. Много убитых на Сытном рынке. Потом воз<ушная> тревога. Потом опять обстрел.

22/ХІІ 41 г.

Полгода войны. Самый темный день в Л<енингра>де. Мерецков взял Будогощь, Груздино. Оттепель. Лужи. Трамваи стоят весь день. Где-то артобстрел. Передавали по радио «Медного всадника». Все больше страшных лиц. Люди как тени. Ждут 1-го января.

Хлеба! Хлеба!

Писать рассказ не могу из-за темноты. Пока светло, носила воду, топила печь, подогревала обед.

Везде темно. В аптеках, банке, лавках, учреждениях. Телефоны работают. Обещали поставить здесь. Если бы был свет. Мать лежит. Психическое расстройство, сердце. Лекарств не достать.

И все-таки они, сволочи, не взяли нас ничем и не возьмут. Тикает радио. Тишина. Коптилка. На душе хорошо. Мы победим.

У Кутузовых утром. Дети плачут – просят есть. Тьма, грязь, небуранные постели.

Сереза сегодня измучается. Очень скользко. Хотел зайти еще к Коцам.⁴⁸ Занести суп. Вчера кончил передачу о Москве. Много работает.

25/ХІІ.

Прибавили хлеба. Радость.

Встречаются люди, поздравляют друг друга. В очереди оживление.

Вчера ночью умер в Союзе Валов.

27/ХІІ.

Тревога 20 м. Мороз до 20 градусов. Вечером шли трамваи. Обстрела не было.

Блокада прорвана.⁴⁹ Немцы бегут всюду. Сволочи.

Была у В. М. Подарили бутылочку керосина. Мой кончился. Если бы не эта бутылочка – полная тьма.

Лунная, необычайно ясная ночь.

28/ХІІ. 6 утра.

Какая тихая заря.

Не спится.

С каждым днем все острее интерес к жизни. Вчера была в «Костре»,⁵⁰ радио. Эшман⁵¹ при смерти.

Город оживает. Днем трамваи от Михайловской к Советским (12, 10, 36, 16).

На Кировском пр<оспекте>, мосту, Марсовом скалывают лед с рельс. Сотни женщин. Работают с подъемом. От мороза люди идут быстрее. Бодрость на лицах. Люди опухшие, а глаза другие. Нет этой страшной безнадежности, безмерной усталости.

Встреча с рабочим на Петрозаводской. Маленький, лицо почерневшее. Что-то обезьянье в чертах, но приятное. Торбочка за спиной. Шли по рельсам. Идет медленно, тяжело.

– Тяжело идти, товарищ?

– Тяжеленько. Устал.

– Ну, ничего. Теперь-то лучше будет. Хлеба опять прибавляют.

Глаза зажигаются.

– Ничего. Вытерпим. Только бы еще несколько дней продержаться. Вчера на заводе 70 человек умерло. Не выдержали. Многие духом упали, а дух, если он твердый, много значит. С верой, надеждой и голодать легче.

Прибавляет со злобой:

– А все-таки нас, ленинградцев, ничем не взяли. А за смерти голодные тоже в счет им припишем. Сволочи.

– До свиданья, товарищ.

– Счастливо, товарищ. С наступающим Новым годом.

У булочной.

Две девушки, закутанные в платки.

Девочка лет 16, лицо сине-белое.

Приплясывают от мороза.

– Завтра хлеба прибавят. Продавщица сказала.

Подходят женщины.

– Слава богу.

– Дожили, дожили.

Улыбаются.

На глазах у девочки слезы:

– А я уже съела свой хлеб на завтра. Лучше бы потерпела. Если бы я знала...

Отчаяние. Вдруг улыбается, подсказывает:

– Так завтра же я на послезавтра возьму. Все равно с прибавкой буду. А 1-го опять прибавят.

Каждую ночь эти дни на улицах города подбирают около 400 трупов.

На рынке продавали студень из покойников. Поймали, судили.

В эвакопункте для беженцев ночью, в темноте убийство из-за 100 гр. хлеба.

Оля Кузнецова. Большая, пневмоторакс. Удивительно держится. Бодрая, интересно жить. Много работает.

Включают электричество. Вчера горело в Детиздате, в аптеке Урицкого.⁵²

Включили правую сторону Зелениной.

Милиционеры тихие, голодные, не рвякают. Нет обстрелов. По слухам (приезжал Розен,⁵³ был на радио), позавчера взята Гатчина.⁵⁴ Дай боже, дай боже.

Заходила к Коцам. Бабушка желтая, худая. Буржуйка, щепки. Появилась бодрость духа. Валя и Ел<ена> Сем<еновна>⁵⁵ были в кино на «Маскараде».⁵⁶ Звала Валю прийти – не пришла. Видно, устала.

Шура в очень плохом состоянии. Мрачная. Видно, много плакала. Очень истощена. Уговаривала съесть шоколад. Не хочет. Думает, что могут быть дни еще тяжелее.

Вечером с Сережей думали о встрече Нового года. Я, Шура, Валя и Сережа.

На фронт не поедет. Простужен.

30/XII.

Город, как человек, кот<орый> был приговорен к смерти, и вот он начинает оживать. Медленно, конвульсивно. То вздрогнет, то снова замрет.

Вчера Берггольц читала стихи «Письмо матери».⁵⁷ Очень сильное впечатление.

Тишина, коптилка, ожидание Сережи и голос Ольги. Вздво-ванный.

Сегодня продавали круглый хлеб. В булочной горело электричество.

Лунные, морозные ночи. Ночью стрельба. Тревог нет. Вчера была в «Костре». Темно, холодно. Тоня пошла на Петрогр<адскую> в Горком за обедом для Эшмана. Сама худая, замученная. Бодрая.

Была в Союзе. Обратно с рюкзаком за плечами. Обед, вино, хлеб. Скользко. Боялась упасть. Был обстрел около 4 часов где-то в центре.

28-го в школе учителя шили подарки для бойцов на Новый год. Холодно, лица у многих распухшие. Но сколько энергии, желания сделать как можно лучше, больше.

Кочегар принес ваты. Вяжут носки, шьют рукавицы, портянки, шарфы. Собрали 1500 р. на подарки. Многие отдали всю свою зарплату.

Как много дано мне видеть.

Сегодня была на Редкол<легии>. Письмо от октября от И. Э. и Е. С.

Шура измучена вконец.

Опять гробы, гробы. Лунный вечер. На санках тащат дрова, гробы, рухлядь, печи <?>.

Все груз<овые> машины в городе – военные. Замазаны белой краской.

Сегодня от Барочной шел 42 номер трамвая. Кажется, к Кировскому заводу через Васильевский. Водопровод работал весь день.

2 января.

31-го лит<ературный> альманах в Союзе. Холодно, горел камин. Свечи в канделябре. Сидели в пальто.

Вступ<ительное> слово Сережи. Надо, чтобы он его восстановил. Читали стихи Ойфа,⁵⁸ Берггольц, Шишова,⁵⁹ Лихарев,⁶⁰ Решетов,⁶¹ Козь<нрзб.>. Ойфа плакал. Инбер читала конец поэмы «Пулковский меридиан».⁶² Плакала. Читал стихи Рождественский.⁶³

Читал Гор⁶⁴ – «Молодую смерть», Тобояков⁶⁵ – «Березку», Кучеров⁶⁶ – главу о Марксе. Плохо, претенциозно.

В шесть обед. Суп, размазня, амер<иканское> мясо с черными макаронами.

Вино! Мускат. Шампанское. Кричали «ура». Пили за победу, за Сталина. Подъем. Вера в победу. Ненависть. Бродила тут же сумасшедшая переводчица. Убит муж. Плакала. Ломала руки. Какая-то сумасшедшая старуха.

Обратно ушли с Рахмановым.

Страшный обстрел. Мороз 25°. Неприятный свист снарядов над головой.

Разговор с Инбер за обедом. Нет, она не жалеет, что приехала сюда 24-го августа.

Валова наконец похоронили.

Вчера маме опять хуже. Опять психоз после обстрела.

Вечером пришла Валя. Ночевала. Пили кофе с хлебом. Сегодня страшный мороз. Сережа ушел в 8 утра. Радио не работало с 7 вечера. В 11 вечера вдруг заработало: «Отбой воздушной тревоги». А мы ничего не знали. Неожиданность этих звуков, как во сне. Водопровод не работает. Трамваи стоят. Тишина. Холод.

3/1.

Умерла Вера. Мать сумасшедшая. Очень все тяжело.

4 января.

Выст<упала> в госпитале на ул. Кр<асного> Курсанта. Огромный зал. Тяжело. Нет воды. Темно по вечерам. Прохладно. Грязно. Сотни тел на койках. Кашель. Беседа с бойцами. Юноша из Киева. Ранен в ногу. Кончил десятилетку. Колхозник, неграмотный из Кировска. Казах-юноша из Южного Казахстана. Вера в победу. Настроение хорошее. Удивительное понимание событий. Здесь же рабочий с Выборгской. Мы все говорим на одном языке. Мы понимаем друг друга с полуслова. Колхозник из Вятки (неграмотный) говорит о том же, о чем юноша из Киева: «Мы победим».

Раненые видят страдания родных в Л<енингра>де. Очень тяжело, но надо все вынести. Говорим о немецком народе. «Эту страну надо уничтожить». «Они должны восстановить нам все». Юноша с Киева со слезами на глазах говорил о разоренном Киеве, о разрушенном Днепрогэсе. «Наш Днепрогэс, наш Днепрогэс... Они нам его построят». Удивительное ощущение нашей общей советской народности.

Приходят жены к раненым. Раненые вытаскивают из-под подушек кусочки чего-то. Суют родным. Ведь там их дети, голодные дети.

«Почему не работает радио? Мы ничего не знаем. Расскажите нам, что в сводках, что взяли наши». Юноша из Киева трогательно подарил две коробки папирос. «Звездочку». Дал несколько спичек. Колхозник из Вятки угостил папиросой.

Большинство лежит на койках. Дремут. Кашель, кашель. Курят тут же. Ждут обеда с нетерпением. Обед опаздывает. Вид бивуака. Дымно. Как непохоже на травматологический в августе. Играют в до-

мино. Обход врачей. Перевязки. Похоже на вокзал ночью. Вот едут куда-то люди и легли на время отдохнуть.

Вчера Сережа принес килограмм миндаля. Обменяли буржуйку на отруби. Пекли лепешки. Ели вечером, утром. Впервые за два месяца ощущение сытости. Пили мадеру.

(Как умирала Вера.)

Жалость, бессилие что-нибудь сделать. Мама то пришибленная, то озлобленная. Жалко ее. Она все еще живет старыми нормами и представлениями. Жалкая, беспомощная, озлобленная на меня.

Тьма, тьма, копать в квартире. Носка воды с Сережей.

И все-таки мы все живем, мы увидим Ленинград другим. Счастливым, выздоравливающим.

Очередь в поликлинике регистрировать смерти. Только бы поскорее, поскорее отделаться от покойника. Дают справки по устному заявлению.

Зажжется огонь в госпитале. Радостные восклицания: «Огонь!».

Лица раненых бледные, истощенные. Синие халаты у всех. Многие уже в форме. Уходят из госпиталя. Те подтянуты.

Многие читают лежа. Читать темно. Пошли обедать. Ковыляют на костылях. Другие бодрым шагом. Спешат.

В шапках, шлемах на головах. Кто как.

4/1.

Вчера обстрел. Опять. Была оттепель. Хоронила Веру. Кладбище Серафимовское. Вереница людей с санями. Везут мертвец<ов>. В гробах, без гробов. Завернуты в одеяла, в простыни. Трупы, трупы. Завернутые в простыни, окоченевшие похожи на гипсовые статуи, поверженные на землю.

6/1. (Кладбище.)

Слышны взрывы. Бойцы взрывают братские могилы. В могилах один на другом сотни трупов. Горят костры. Какие-то люди греются здесь же. Спекулянты могилами. Вырыть могилу стоит 180 р. + 500 гр. хлеба. Могильщики жгут гробы, отогревают землю. Сережа – возчик. Девочка Шура, хоронившая мать. Отец умер 14-го декабря. Осталось трое детей.

Носилки, на которых несут с кладбища живых.

В поликлинике дают справки о смерти любому по предъявлению паспорта. Можно взять справку для себя. Формулировка: «Сердечная слабость».

Очереди в загсах. Становятся в 6 утра.

Все больше людей падает на улицах. В лавках ничего нет. Не выдано еще мыло за II и III декаду декабря.

История с юношей, учеником Марии Михайловны. Украл 1/2 кило гречневой крупы. Держался нагло, врал.

Едим лепешки из отрубей. Обедаем из двух блюд. Все время америк<анское> мясо. Миндаль, вино. Замерзли уборная, раковина. Все. У Шуры то же самое. Почти везде так. Радио почти все время молчит (авария, нет тока).

В городе эти дни, по-видимому, умирает по 10–12 тыс. в день. Газеты не приходят. Ожест<оченные> бои в Крыму.⁶⁷

Несчастный город.

7/1 42 года.

Город умирает. Люди падают на улицах. Вырывают из рук карточки, хлеб. Сегодня кончилось горючее для коптилок. Пойду на рынок менять 200 гр. хлеба на керосин и спички. Хлеб компенсируем отрубями.

Не выходит из головы братская могила. Пожалуй, мы видели больше, чем на войне. Там все ясно. Смерть, кровь, раны. Здесь другое.

И все-таки мы никогда не сдадимся. Никогда. Умирает в эти дни 10–12 тысяч. В месяц это дает тысяч 250.

Чистят трамвайные линии. Трамваи стоят мертвыми. Изредка вспыхивают в них синие огни. Жить интересно. Сажу у Грачевых.

Маквани<?> украл от дверной двери ключи. Прибежала Мар. Мих. Попросила посидеть. Вчера Сережа работал над «Илиадой» и рукописями до 12 ч. 30 мин.

Чад от коптилок.

Все черно.

Мама невыносима.

Маразм разума.

Лежит с утра.

Не желает вставать.

Мерецков идет вперед.
Огромные трофеи на Зап<адном> фронте с 1 по 5 января.
Немцы бегут из Крыма.
Газеты не разносят.
Была на почте.
Говорят, с 10-го.
Нет бумаги, стоят типографии. Нет тока.
Хлеба и топлива – вот главное для города.
Как он замучен, мой город. Пусть Берлин испытает это на себе.
Мука за муку.
За смерть – сотни.

8.I.42 г.

Смертность увеличивается изо дня в день.

На рынке Дерябкином.⁶⁸

За ½ литра керосина предлагают 85 р. Отказ. «Дайте 200 гр. хлеба». Хлеб мерило всего. Сытый старик в барашковой шапке, барашковый воротник. Трость. Борода холеная.

Спекулянт. Курит небрежно. Охотно дает спичку для закурки. «Может, продадите коробок?». «Нет, не продаю». Спыхватывается внезапно, как боевой конь. «А сколько дадите?! А впрочем, не продаю. Мелочами не занимаюсь».

Усмешкой расплывается лицо.

Люди толкаются, кружатся. Вытаскивают в бумажках замусленные конфеты.

«Меняю конфеты на хлеб».

«Меняю папиросы на хлеб».

Продают вещи. Часы, кальсоны, детские вещи.

Страшные лица, голодные взгляды.

Сегодня около полудня обстрел Петроградской из автомат<ической> пушки. По-видимому, с финской стороны. Снаряды попали на Геслеровский д. 5а. Наш дом прыгал, как при фугасных.

Шуре плохо. Просила зайти. Страшно за нее.

Была у Коцов. Страшно. Какой голод. Елена Сем<еновна> сидела работала. Вода у них идет. Уборная действует. Получили только шпик вместо мяса.

Люди тащут воду по улицам. В баночках, графинах, чайниках, кастрюлях. Спрашивают: «Где достали?».

11/1

Город умирает.

Все больше мертвых.

Обстрелы. Радио молчит. Все замерзает. Единицы еще ходят на работу.

В хлебе опять дуранда. Пожары в домах. Убийства вечерами из-за хлеба, карточек. Тишина. Изредка проходит по улицам машина.

Семья Лебедевой – уборщица. Рабочая – [поденщица]. Двое младших эвакуированы. Старший 14 лет здесь. Ушел в 6 утра за хлебом и исчез. Мать искала, не нашла.

На четвертый день пришло письмо: «Мама! Ты плохо меня кормила. Теперича я буду сам. Твои карточки я взял. Оставляю тебе продуктовую с талонами на третью декаду». Дело происходит 7 января. Карточка матери хлебная у него тоже. Значит, смерть для нее.

В Серезином ЖАКТе убита депутатка Александрова у себя в квартире. Цель – грабеж продуктов. Этому предшествовал разговор в ЖАКТе в компании многих жильцов. Александрова говорила, что вот ее муж не бывает дома и очень плохо выглядит. «Если бы дома бывал – я бы о нем позаботилась. Кое-что у меня есть». По-видимому, она была убита в ту же ночь. Труп обнаружили через два дня в квартире.

С 7-го исчез муж Анаст. Ник. Она не может дозвониться в филармонию и не в силах туда пойти. Плохо себя чувствовал. Наверное, умер по дороге. Все карточки у него. Теперь обречена и она.

На каждой лестнице в доме уже по нескольку покойников. Не хоронят – некому.

Мороз под 30°.

Сереза слег. Распухли ноги. Не может ходить. Отеки лица. Мама тоже распухла. Сумасшедшая. Я еще держусь. Очень раздражительна.

12 января.

Ходила в Союз за обедом. Мороз 26°. Все застывает. Вереницы людей в <нрзб.> видны. Везут мертвецов на санках. Везут на санках дрова. Волокут бревешки на веревках.

Вчера утренняя интеллигенция в Капелле. Собралось человек 150. Холод был адский.

Рассказывал Груздев,⁶⁹ что эти 150 топали ногами от холода, но ждали упорно. Выступал Вишневецкий,⁷⁰ Тихонов,⁷¹ Прокофьев,⁷² Саянов,⁷³ Кетлинская,⁷⁴ Крафт,⁷⁵ проф. Клеман.⁷⁶ Старик говорил хо-рошо.

15 января 1942.

Смерти, смерти... Но мы отомстим за все, за всех.

Каждое утро крики на улицах. Это убийства.

Второй день молчит радио, газет нет. Ничего не знаем. Взята Мга, Любань, Новгород, Старая Русса?⁷⁷ Звонила сегодня больше часа по разным телефонам, чтобы проверить. Дозвониться невозможно.

Провокаторы распространяют слухи о том, что немцы снова взяли Тихвин.⁷⁸

Народ в хлебной очереди. Убеждаешь – не верят, что скоро станет лучше. «Мы все равно не доживем. Даже до 21-го».

Сегодня впервые настоящий хлеб из ржаной муки, круглый.

Вчера была в Союзе за обедом. Мороз, умирающие, безумные. Почти все больны. Кетлинская, Груздев пошли к Попкову.⁷⁹

Вчера горел Гостиный двор.⁸⁰ Пожары тушить невозможно. Нет воды.

Варят суп из столярного клея. На рынке плитка клея стоит 15 рублей.

Мужчин умирает в несколько раз больше, чем женщин. (Лююдество.) До чего страшно.

Все кажется – вот зажжется электричество, заговорит радио и скажут: блокада прорвана. И будет тогда праздник.

После вчерашнего 30-градусного мороза сегодня потеплело. Шел снег.

Вчера видела Прокофьева. В военной форме, похудел мало. Стал приветливей.

У Тамары Хм<ельницкой> умер отец.

Умерла жена Панфилова, убитого на фронте. Крысы съели ей лицо.⁸¹

Могилы на кладбище взрывают с помощью самолетов. Бросают вниз фугаски.

20 января.

Нет времени записывать.

Смерти, трупы, грабежи. Хлеб превосходный. Сережа лежит. Все время хочет есть. Коптилки организуем с трудом. Нет горячего. Хожу за обедом. Сегодня мороз 28°.

У нас тепло. Радио говорит изредка.

Начали выдавать в счет январских норм крупу по 400 гр. + 100 и по 200 гр. конфет.

Ждут прибавки хлеба. О, как он нужен. Мы достаем отруби. Только в суп.

Сережа доделывает «Илиаду» для радио.

По ночам слышим теперь шум машин. Везут муку в хлебозавод.

Воды нет. Берут на Неве.

У Клав<дии> Як<овлевны>.⁸²

«У нас сегодня замечат<ельный> чай, со сладким. Вот я пью с каплями датского короля, Женя с гомеопат<ического> лекарством, Ал. Вас. с глицерином». Это всерьез радость.

Смерть Вити.⁸³

13-го его нашли на лестнице. Он упал от голода.

Пришли домой. На след<ующий> день Шура увидела, как отец несет его в уборную.

«Папа! Не носи меня туда. Я не хочу, – сказал Витя, увидев Шуру. Посмотрел на нее безумным взглядом:

– Александра Иосифовна! А я ночью съел все кофе...».

Бред.

– Александра Иосифовна! Дайте мне, пожалуйста, одну конфетку...

– Витенька! У меня нет. Господи, я бы дала...

– Александра Иосифовна! Ну, тогда дайте мне маленький кусочек сахара.

– Витенька! У меня нет сахара. Витенька! Ляг! Я тебе кофе сейчас дам и кусочек хлеба. Ляг, милый!

Посмотрел серьезно и сказал тоном взрослого человека.

– Нет, Александра Иосифовна, я не лягу.

И в этих словах было глубокое сознание того, что лечь – значит умереть.

Через два часа он умер. За час до смерти постучала какая-то женщина из дома:

– Здесь живет тот мальчик, который вчера упал на лестнице? Вот передайте эту лепешечку ему. Я взяла ее от своих детей.

Сегодня у дверей соседней квартиры женщина кричала и плакала:

– Леночка! Пусти меня. На минутку. Я сейчас уйду.

Дверь не открывали. Женщина кричала час. Глаза безумные, зубы оскалены. Одета хорошо. Ничего добиться от нее было нельзя.

Рабочий Михалев у Вал<ентины> Мих<айловны> выменял 10 кг отрубей за золотые часы. Сам сдохнет с голоду. Требуется, чтобы его везли на лошади в поликлинику.

В воскресенье выступала в госпитале. Там политрук. Унизительно. Раненым доставила какую-то радость – это искупает все.

Накормили супом из муки, каша из муки. Это было сытно.

21 января.

Разговор со Стан. Дашевской в столовой, потом пешком через Неву с ней, с Валей В. разговор о мужестве города. «В Варшаве не было и сотой доли того, что здесь, а город сдался. Я все больше удивляюсь героизму советского народа, особенно русской женщине».

В 6 ч. 50 м. торж<ественное> заседание в Москве, посв<ящен<ое> памяти Ленина. Говорил Сталин, почти ничего не было слышно. Заглушали хамским образом.

Мороз 29°. Поездки за водой.

Вагнер,⁸⁴ Вальдман,⁸⁵ Раковский⁸⁶ завтра эвакуируются. С богом!

Ссора с Сережей из-за кусочка хлеба. Гнусно. Я хорошо чувствую себя, когда я не дома. Хорошо шагать по городу и видеть, видеть.

Встретила на Кировском с М. Н.

Опять был обстрел. Выносила утром помои, свистели над головой снаряды. Потом разрывы. По-видимому, шрапнель.

28/1 42.

Четвертый день как в городе бездействует водопровод. Весь город едет за водой. Везут воду, покойников, дрова. Пожары все чаще. Тушить их невозможно. Очереди за хлебом. На хлебозаводах нет воды. Смертей все больше. Света нигде нет. Радио молчит четвертый день. Не знаем сводок. Живем слухами. Мороз ужасный от 25 до 30°.

В Союзе полный б<ардак>. Никто не работает. Мороз там отчаянный. Умирает сын Кугеля⁸⁷ в комнатке при ред<акции> «Звезды». Здесь же дочь Панфилова. По ней ползают вши. Лежит на диване Роза Солом<оновна?>.⁸⁸ Понос. Ужас. Уборные не работают. В столовой мороз градусов 10.

Вчера и позавчера не работали по городу и телефоны. Обстрелы. Стреляет Кронштадт. Зарево пожаров. Люди разбирают дома, заборы.

Разговор В<алентины> М<ихайловны> с бабой.

«Вот и радио не работает. Ничего не узнаем, что там делается. А говорят немец на нас зигзагом идет».

На днях шла по Кировскому. Рядом кондукторша. Разговорились. Говорю ей: «Хлеба прибавят». «Правда ли?». Обрадовалась. «А что на фронте-то делается?». Рассказываю ей, что немцев так от Ленинграда не вышибить. Окружают их. Всех уничтожат.

«Правильно говоришь, правильно. Всех их надо уничтожить. Всех. За наши муки, за покойников».

«Вот родственник от немцев пришел, – рассказывает кондукторша, – и говорит: „Лучше здесь в Ленинграде с голоду умереть, чем у немцев жить“». Прощаемся.

«Ну, дай тебе бог здоровья, милый ты человек», – говорит кондукторша.

Рассказ В<алентины> М<ихайловны> о женщине, кот<орая> варила студень из ч<еловечек> ч.<?> и н.<?>. Расстреляли. Ищут собобщников. Сегодня на рынке опять видела этот студень. В воскресенье была в госпитале. Выступала в двух палатах, долго разговаривала с ранеными. Хорошее настроение. Расспрашивают о городе. Холодно в госпитале, нет воды.

Хамы политруки. Не накормили.

Политкук Морозов, деж<урный> по кухне, заявил: «Много тут вас ходит разных. Есть карточка, ну и ешьте».

В кухне замерзает вода в посуде, хотя вчера топила.

1 февраля.

28-го Сережа простоял за хлебом 4 часа (вечером). Не достал. 29-го он ушел в 8 утра без еды. Простоял до 6 ч. 30 вечера. Хлеб кончился за шесть человек до него. Все это в темной холодной лавке битком набитой, откуда нельзя даже выйти.

В 4 часа я встала в очередь за мукой (взамен хлеба 65%). Простояла до 10 ч. на улице. Мука кончилась за два человека до меня. Значит, голодный день, вечер, ночь. Неизвестно, как завтра. Опять все сначала. От угла Геслеровского, где стояла за мукой, бегу к Барочной. В булочной давали хлеб. Хлеб кончился. М<ожет> б<ыть>, будут давать муку. Неизвестность. Идет женщина от Крестовского моста. «Граждане, на Константиновском в лавке хлеб без очереди». Я, еще

несколько женщин бежим туда. Прибежали. Лавка закрыта. Перед ней несколько женщин. Они умоляют впустить их. Не пропускают.

В двери внизу дырка. Женщины, стоящие в лавке, шепчут: «Лезайте! Мы все так влезли».

Пролезли две женщины, потом я. Пролезла. Становлюсь в очередь. Народу мало. Хлеб вкусно пахнет. Круглый, горячий.

Вдруг меня кто-то хватает за шиворот. Орет: «Ты что сделал? А? Пошли! Живо!». Толкает. Смотрю – мильтон. Сытый, шинель новая.

– В чем дело?

– Дверь сломана, грабежом занимаешься. Иди, иди.

Толкает в спину куда-то в темноту, потом по темной лестнице наверх. Пытаюсь объяснить, в чем дело. Говорю: «Вы незаконно закрыли магазин, у вас полно хлеба. Вы же знаете, какое положение сегодня в городе».

Не слушает, орет:

– Знаем мы вас. Давай документы!

Документов у меня нет.

– Отдавай карточки!

Отдаю.

Выскакивает из комнатки рядом заведующий. Маленький, черное пальто с иголки. Каракулевый воротник. Шапка круглая каракулевая. Морда лисья, хитрая, чистенькая, сытая, намеки на интеллигентность.

Орет:

– Я вам покажу.

В это время снизу провлакивают еще одного гражданина. Тоже пролез в дырку. Мильтон отбирает у него паспорт. Оказывается, управдом. Пожилой. Тяжело дышит.

Мильтон орет:

– Вы, может, кассу хотели ограбить. Знаем мы вас.

Зав. орет.

Пытаюсь объяснить, кто я.

Хохочут и зав., и мильтон.

– А, писатель!

Смех сытый, наглый.

У меня капает из носа. Я не могу сразу достать платок, так как замерзли руки.

Мильтон орет:

– Писатель, нос утри!

Хочется дать в морду, плюнуть.

Объясняю заву, в чем дело.

– Моя жена стояла тоже с 10 утра до 10 вечера, а не достала хлеба. И в дырку не лазила.

– Ну так вы же здесь получили хлеб.

Подбоченивается, нагло смеется:

– Хо. Быть при хлебе и остаться голодным. Конечно, я сыт.

Мильтон командует:

– Пошли в отделение.

Меня и управхоза ведут вниз. Прошу разрешения позвонить начальнику 34-го отделения.

Грубо:

– Телефон не работает.

Стоим внизу, ждем. Карточки мои у мильтона. Управхоз просит:

– Разрешите сперва взять хлеб, потом ведите. Я не ел уже два дня.

– Потерпишь. Не разрешаю.

В лавке тип в форме пограничника (старого образца) орет на женщин, стоящих в очереди.

Я говорю ему спокойно:

– Почему вы разрешаете себе так орать на голодных людей?

Стихает. Подходит ко мне ближе. Ослабливается.

–А, здравствуйте, это вы.

–Здравствуйте.

Отходит. Исчезает куда-то.

Мильтон мгновенно протягивает мне карточки, управхозу паспорт.

– Идите.

Становлюсь в очередь. Я стою шестая или седьмая. Наконец я четвертая.

Продавщица объявляет:

– Хлеба больше нет. Уходите из лавки.

Является тип, кот<орый> поздоровался со мной.

– А ну, живо, живо очищайте лавку.

Женщины, стоящие передо мною, кричат:

– У вас полная кладовая хлеба. Не имеете права не давать хлеба.

Где заведующий?

– Заведующий ушел. Ключи у него. Хлеба больше не дадим.

Одна из женщин говорит:

– Не дадите. Почему у того прилавка только что двум женщинам хлеб был отпущен на 31-ое. А мы не можем получить даже за 29-ое. Давайте жалобную книгу. Составим акт.

Мгновенно является заведующий:

– В чем дело? Хлеба нет. Уже поздно.

Женщина настаивает. Другая шепчет:

– Надо упросить его. По-хорошему. Может, сжалится.

Зав. ерепенится.

– Врете вы. На 31-ое не отпускали. Обмена производить не позволю. Докажите, что в лавке есть талоны на 31-ое.

Смягчается:

– Ну, ладно, ладно, так и быть, вынесу две буханки.

Доходит очередь до меня. Хлеб кончился.

Прошу вынести одну буханку. Артачится, ломается. Наконец выносит.

Получаю хлеб. Теплый. На два дня.

Прихожу домой в 12 ночи. Пьем чай с хлебом. И мы счастливы. Ощущение борьбы за жизнь.

31-го ужас в столовой Союза. Ожидание обеда в темноте до 8 вечера. Сумасшедший, нестерпимый холод. Неопишимо. Сволочь Израилевич.⁸⁹ <Крала Кулишер?>. Гадость.

Дома в 9 вечера. Сережа и мама не обедали.

---

5 февраля

Хорошие вести с фронта.

Вчера в 12 ночи в стационаре умер Гофман. Этот человек вызывал озлобление. Сегодня мне жаль его. Два разных образа перед глазами. Тот, чистенький, в костюме как у Сережи, у себя дома за круглым столом разговаривающий о перспективах войны, англофил. Интересные мысли о межд<ународном> положении. И Гофман страшный, опустившийся, психически тронутый, обворовывающий жену, съедающий потихоньку ее запасы, укравший два раза у Сережи из портфеля мой обед.

Мы шли месяц тому назад вместе домой. Он уже был тронутый. Говорил, что протянет еще месяц. Но не больше. Пожар в их доме накануне его смерти. Квартира разграблена пожарными. Вынесены все вещи, кроме мебели и книг. Даже катушки ниток.

В Союзе ад. С каждым днем люди безумнее, лица страшнее. Несколько человек еще вполне люди – Роз. Арк<адьевна>, Кетлинская, Гольдин, бухгалтера. Толпа безумных, желающих уехать.

Плачущая Тамара Хмельницкая. Потеряла хлебные карточки до конца месяца. Безумный вид, растерзанный, лицо серое, грязное, старое.

Шла вчера в Союз. Иду по Петрозаводской. Везут на саночках трупы – двое саночек в одну сторону, двое – в другую. Два трупика детских. Я в первый раз заплакала.

С каждым днем все больше встречаешь эти саночки. Молча идут женщины, впряженные в саночки. Часто везут по двое, по трое на одних саночках.

На улицах не видно совсем детей. Шла по Геслеровскому. На встречу четыре девушки. Здоровые, краснощекие. Громко смеются. Это странно.

Пожары. Вчера горел дом на Пушкарской, около Вани. Дом на Кировском около Скороходова. Пожарные тушили. Вода пошла по центральным трубам. Здесь же огромные очереди за водой, прямо на улице, у пожарных колодцев. Пожар никого не интересует. Интересует вода.

В 4 часа обстрел Сытного рынка. Люди бежали оттуда. Другие туда.

Плетется женщина с ворохом вещей – пальто, платье. Гражданка навстречу:

– Не ходите на рынок. Видите, все оттуда идут. Обстрел.

– А я пойду, мне все равно.

Пошла дальше.

В<алентина> М<ихайловна> рассказывала:

Пришли две девки, держатся за лица, ревут:

– Она меня искусала, за нос кусала.

– Она меня за щеку.

– Это почему же?

– Хлеба требовала.

– Она тоже требовала. А то, говорит, нос отъем.

Обе не работают, карточки иждивенческие. Выгнала обеих, пригрозила выселить из барака, требовала, чтобы шли работать. Ушли, обругав В<алентину>М<ихайловну>. Помирились.

– Ишь, сытая видно.

Через час явились. Принесли заявление:

«Очень просим нас не выселять. Обещаем не кусаться».

Там на Кемской крысы сжирают покойников. Родные стараются подкинуть трупы так, чтобы они попались на глаза администр<ации>. Сажают мертвецов в уборные, кладут поперек дверей.

Ночью стук на улице. Ломают заборы, доски от щитов с песком, закрывающих окна бомбоубежищ. Удивительно резки эти ночные звуки в тишине мертвого города.

По-прежнему на углу Кировского и М. Горького стоит с разбитыми стеклами трамвай № 12 – американский и № 22 – обыкновенный.

Дворы залиты помоями, дерьмом. На улицах нагажено. Снег выпадет – прикроет. Назавтра то же самое.

Радио на Петрогр<адской> не работает. Газеты не приходят. Когда идешь в Союз, ничего не знаешь.

Телефоны начали работать и на Петроградской.

10 февраля.

Умерли Франковский,⁹⁰ Энгельгардт,⁹¹ Цырлин,⁹² Оксенов,⁹³ Молчанов – муж Берггольц (в сумасш<едшем> доме).⁹⁴ Хармс умер 2-го в тюрьме. Его не успели вывезти.⁹⁵

На кладбищах не хоронят. На Петроградской везут в морги – на Глухую Зеленину и в Нар<одный> Дом.

Вчера валялся труп на нашем дворе. Никто не подбирал.

Воды нет. На Невке грязная в прорубях. Газеты не приходят. У нас радио молчит. Люди оскотинились. Выливают дерьмо на лестницах, у самых дверей. Рубят дрова в квартирах. Дурно пахнет от людей. Появились воши.

Как ждут прибавки хлеба!

Нет курева. Пачка папирос – 200 г. хлеба.

Вчера сообщение об очищении Волховского района. Окружен Смоленск (?).^{*96} Слухи о приезде Московской комиссии.

На улицах больше машин. Везут муку, горючее. На саночках – воду, трупы, дрова.

Первые признаки конца блокады. Я верю, что скоро наши муки кончатся. Мы пережили.

История с Алей и Анной Ник. Старуха пережила.

Рассказ хирург<ической> сестры в госпитале о силе жизни.

---

* Знак вопроса поставлен автором.

Кухонный политрук (госпиталь, политрук Морозов – «много вас тут ходит. Есть своя карточка, ну и ешь на нее. Подумаешь, артисты, писатели»).

Жена коммуниста Пименова, педагог, работая в ЗАГСе при 30 поликлинике, брала за оформление документов без очереди 400 гр. хлеба плюс 2 кор<обки> папирос.

История с людоедством на Моск<овском> шоссе в доме Треста (В<алентина> М<ихайловна>).

Женщина съела соседку. Остались только ноги и живот. Потом женщину убили. Устроили поджог. Потушили. Милиционеры не могли вести следствие от ужаса и отвращения.

Садовник в оранжерее ждал карточек. Так и умер. Восемь дней сидел в той же позе.

---

10 февраля

Вечером у нас заработало радио.

Мальчик 12 лет ушел из дома утром за хлебом (на Кемской). Не вернулся. Съели.

Мать родила ребенка. Умерла. Остался ребенок. Здоровый. Кормят хлебом.

Смертность достигла 40 тыс. в день. Из каждой подворотни везут мертвых. Когда же конец этим смертям?

В Союзе эвакуация. Уезжают почти все.

12/II 42 г.

Вчера прибавили хлеба. Рабочим – 500, служ<ащим> 400, ижд<ивенцам> 300.

Сегодня объявлена выдача крупы за февраль 500 раб<очим>, 375 сл<ужащим>, 250 ижд<ивенцам>, 300 детям. В феврале д<олжны> б<ыть> нормы сентября.

Сережа получил стацион<арный> паек на 5 дней.

500 гр. жирной свинины, 250 гр. рису, 250 гр. ячневой, 500 гр. масла, 400 гр. хлеба в день. 200 белого и 200 черного. Песок я еще не получила.

В Союзе все еще б<ардак?>. Уезжают эвакуир<ующиеся>. Все какие-то безумные, никому ни до кого нет дела.

Обратно шла с Шишовой. Нравится.

Поразил на пустыре вокруг школы на Геслеровском труп, зашитый в красный кумач на белом снегу. Трупы на Петрозаводской.

16/II

Встречи с Валею В. Разговоры о Викторе. Макогоненко.⁹⁷ Подарок райкома. Рассказ о Бояринских.

3 марта

Дистроф <далее 3 слова вымараны> был. Теперь Капит<олина> Михайл<овна> в госпитале. Жива ли она, не знаю. Я со вчерашнего дня в стационаре в Союзе. Здесь Тамара Хмельницкая, Ан<на> Вас<ильевна> Ганзен. Вчера я мылась здесь. Вечером страшная усталость. За столом все говорят об еде и смертях.

Вечером сидели у буржуйки в столовой – Тамара, Полоцкий.⁹⁸ Говорили о кино. Сережа болен. Отношения плохие. Приходила Валя.

Все эти дни в городе чувствуется оживление. Меньше смертей. Дают крупу, мясо, сахар, клюкву. Обстрелы продолжаются. Ждем больших событий. Здесь нет радио.

У меня очень холодные руки. Неприятное ощущение. Голова сегодня свежая. Спала одна в столовой. Спала неплохо.

Кормят вкусно, но маловато. Нет жиров. Володя, Рахманов, Рысс⁹⁹ вчера уехали. Ребенок у Володи умер. Говорила с Элико по телефону. Ее жалко.

4/III 42 г.

Утро в стационаре. Сушат хлеб на печурке. Вечером приходил Макогоненко. Здоровый, умный, интересный. Много рассказывал о фронте. Как тонул на Ладоге в декабре.¹⁰⁰

За столом разговоры об еде. Психозы голодные. Невыносим Зуккау.¹⁰¹ Тяжело с Тамарой. С утра обстрел. Погода полусолнечная. Сережа не разговаривает со мной. Уезжают почти все. Болит голова. Простужена. В комнате №245 холодно, дымно. Анна Вас<ильевна> Ганзен. Старенькая, несчастная. Все еще хлопочет о других. Милая Леля. Читает. Хорошо держится.

Какое голубое морозное небо. И тишина, тишина. Солнце. А кругом мертвый замерший город. Милый, родной, несчастный. И родина моя истерзана, залита кровью. Какой гнев души народной нужен, чтобы противостоять этим мерзавцам. Мы, русские, удивительный народ все же.

6/III 42 г.

Тамара похожа на голодную крысу. Когда она ест, у нее злое выражение мелкого хищника. Очень неприятное. Вот-вот укусит. Обстановка противная в смысле психозов и неинтересных людей.

Вчера приходил Коля Ч. Румяный, здоровый. С ним девушка тоже румяная, здоровая.

Они «оттуда» только в конце февраля.

Уехали отсюда в октябре.

Здесь еще больше поражает полная ночная тишина города.

Сегодня с утра опять обстрел, очень близкий.

Радио здесь нет.

Сегодня опять ослабло зрение. Голова ясная. Ноги идут плохо.

Сережа выписывается 9-го утром. Где будет жить – не знаю.

В городе усиленно чистят трамвайные пути. Неужели когда-нибудь пойдут трамваи?

8 марта 42 г.

Я больна. Грипп, понос продолжается. Ощущение слабости. Холод, холод. Лежу в холодной кровати. Утюг в ногах. Два одеяла. Не хочется есть.

На дворе капель весенняя. Голубое, глубокое небо. Шум самолетов. Стреляли днем зенитки.

У Шуры 3 стадия дистрофии. Только бы она выжила. Вчера была Валя.

Что с мамой, неизвестно. Сергей умер от поноса.¹⁰² Дуся собирается переезжать. Квартира брошена. Там, дома, лежит открытка от Жени. Где Женя? От какого числа открытка?

Ощущение беспомощности. Ты ничего не можешь сделать. Все сложно, запутано. Где будет жить Сережа! У Вали, в надстройке? Мы молчим оба. Мы как чужие. Ничего нельзя исправить.

Я плохо вижу. Не могу читать. Голова сейчас ясная.

Вчера выходила на улицу за хлебом. Выменяла 800 гр. хлеба на 300 гр. песку сахарного.

9/III 42.

Холод ночью. Кто-то плакал во сне. Я не могу видеть, как ест Тамара.

Мечется Азадовский. Ребенок грудной дома. Жена здесь. Ребенка не видят.¹⁰³

Обстрел опять. А может, зенитки. Очень плохо работают руки. Погода сумрачная, неморозная.

Мне хочется работать, а нет физических сил. Убивает холод. Что будет дальше?

Жить на II кат<егории> карточки невозможно. Ходить сюда обедать тоже невозможно.

10/III 42 г.

Вечером разговоры об университете с Азадовским. Он вспоминал лекции Шахматова,¹⁰⁴ Венгерова.¹⁰⁵ Ощущение, что все по-старому. Это несколько минут. Ночью проснулась и не могла уснуть. Как все странно, страшно.

Эвакуир<уют> у<ниверси>тет, Медицинский, Ак<адемию> Наук, Герценовский. Почти все и<нститу>ты.

В Союзе уже осталось 70 человек членов. 14-го еще уезжают.

---

¹ Имеется в виду ЛО ССП.

² Шура – как следует из машинописной расшифровки записи от 20 янв. 1942 г., Боронина так называет *Любарскую Александру Иосифовну* (1908–2002) – прозаика. Так же как и Боронина, и ее муж С. И. Хмельницкий, Любарская закончила ВГКИ при ГИИИ; работала редактором детских книг, в 1937 г. была репрессирована, в 1939 г. освобождена. В 1939–1942 гг. – редактор детского радиовещания, затем – редактор ЛО Детиздата. В ее обработке и пересказе опубликованы произведения фольклора многих народов мира.

³ *Тынянов Юрий Николаевич* (1894–1943) – прозаик, литературовед. Автор исторических романов: «Кюхля» (1925), «Смерть Вазир-Мухтара» (1927–1928), «Пушкин» (не закончен) и «малой прозы» – «Подпоручик Кижэ» (1928), «Восковая персона» (1931), «Малолетний Ветушишников» (1933) и др. Во время войны больной Тынянов был эвакуирован из Ленинграда сначала в Ярославль, затем в г. Молотов (Пермь). Последние месяцы своей жизни Тынянов провел на лечении в Кремлевской больнице, где и скончался 20 дек.

⁴ *Сережа – Хмельницкий Сергей Исаакович* (1907–1952) – прозаик, детский писатель, переводчик, критик. В годы войны – рядовой, затем техник-интендант, сотрудник военной печати, готовил радиоинсценировки для ленинградского радио. Муж Е. А. Борониной.

⁵ См. примеч. 71 на с. 73.

⁶ Армия Кулика – имеется в виду 54-я армия, входившая в группу, идущую на помощь осажденному Ленинграду, и командующий ею маршал Г. И. Кулик. 24 сент. 1941 г. 54-я армия нанесла ощутимый удар у Ладожского озера по войскам 16-й немецкой армии.

⁷ *В. М.* – здесь и далее, вероятно, *Грачева Валентина Михайловна* – сотрудник Ленрадиокомитета, подруга Борониной.

⁸ Красное знамя – трикотажная фабрика (до революции – фабрика Керстена, ныне ОАО «Красное знамя»). В годы войны выпускала обмундирование для бойцов Ленинградского фронта и артиллерийские снаряды.

⁹ *Гуревич Татьяна Евсеевна* (ок. 1902–1941) – сотрудник редакции «Издательство писателей», в которое попала бомба (находилось на территории Гостиного двора). О гибели Т. Е. Гуревич писала в своем дневнике и О. Ф. Берггольд 24 сент. 1941 г.

¹⁰ В обращении ЦК КПГ к народу Германии и ее вооруженным силам от 6 окт. 1941 г. Центральный Комитет призвал трудящиеся массы взять судьбу страны в собственные руки, покончить с войной путем активных антифашистских действий и свержения гитлеровского режима, создать свободную, демократическую, миролюбивую Германию.

¹¹ *Шварц Евгений Львович* (1896–1958) – известный драматург и писатель. В начале войны вместе с М. М. Зощенко написал гротескную антифашистскую пьесу «Под липами Берлина» (1941).

¹² *Десницкий* (псевд. Строев) *Василий Алексеевич* (1878–1958) – литературовед, критик. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук, профессор. С 1930 г. и до последних дней – ведущий сотрудник ИРЛИ. В течении 40 лет был связан с ЛГПИ им. А. И. Герцена: возглавил институт в период организации, был его проректором по научной и учебной работе и на протяжении многих лет руководил факультетом русского языка и литературы. С 1918 по 1946 г., с некоторыми перерывами, был также профессором ЛГУ. Научные интересы Десницкого были преимущественно связаны с творчеством Пушкина, Гоголя, Щедрина, Горького.

¹³ *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886–1959) – литературовед, критик, доктор филологических наук, профессор. Автор трудов по истории русской литературы XVIII–нач. XX вв., проблемам художественных форм, стиховедения, текстологии, литературно-художественного быта, связей русской литературы с западноевропейскими литературами. Преподавал в ЛГУ (1918–1949), на ВГКИ при ГИИИ (1920–1931). С 1936 г. до кончины был сотрудником Пушкинского Дома, с перерывами, вызванными внутривосточными кампаниями 1930–1940-х гг.

¹⁴ *Клейнбог Лев Наумович* (1875–1950) – лит. критик, публицист, мемуарист.

¹⁵ Правильно: Александрович. *Старк Эдуард Александрович* (1872; по др. св. 1874–1942) – театральный и музыкальный критик, известный под псевдонимом Зигфрид.

¹⁶ *Ганзен Анна Васильевна* (1869–1942) – переводчик.

¹⁷ *Асладзе* – дополнительных сведений отыскать не удалось.

¹⁸ Текст радиопередач по повести К. М. Станюковича «Севастопольский мальчик» (1902), подготовленный Бороной, звучал в эфире в ноябре–декабре 1941 г. Повесть посвящена обороне Севастополя в Крымской войне, главный ее герой – 12-летний мальчик Маркуша.

¹⁹ Подчеркивание красным карандашом, всего вероятнее, не авторское.

²⁰ *Рахманов Леонид Николаевич* (1908–1988) – прозаик, драматург, киносценарист. Наиболее известные произведения – написанный в 1936 г. совместно с Д. Дзюлем сценарий фильма «Депутат Балтики» и пьеса «Беспокойная старость» (1937).

²¹ *Гордон* – неустановленное лицо.

²² «*Последний час*» – выпуск Совинформбюро.

²³ Имеется в виду начало Ростовской наступательной операции, целью которой было овладение городами Ростов и Таганрог. 27 нояб. 1941 г. немецкие войска под Ростовом начали отступление.

²⁴ Несомненно, имеется в виду фельетон прозаика, публициста *Эренбурга Ильи Григорьевича* (1891–1967) «Черная душа», опубликованный в газ. «Красная звезда» от 5 дек. 1941 г. Фельетон посвящен биографии, личности и политической карьере Альфреда Розенберга. «Он родился в Ревеле. <...> Учился в Риге. <...> В 1918 году молодой, но прыткий Альфред ходил по темным московским улицам и жадно ел паечный хлеб. Он мечтал, что немцы придут в Москву. <...> Когда французские капитулянты сдали немцам Париж, Альфред Розенберг впал в восторг. <...> Он приехал в Париж.

Он вошел в здание французского парламента, поднялся на трибуну и горделиво сказал: „Мы выкинем идеи французских просветителей в мусорный ящик“. Месяц спустя я увидел Альфреда Розенберга в Брюсселе. Он устроил парад эсэсовцев на площади Конституции: он старался даже в деталях унижить побежденных. Он мечтал поехать в завоеванный Лондон, войти в здание английского парламента и крикнуть: „Ваша хартия свободы пойдет на растопку“. Но в Лондон он не попал... Теперь барон Альфред Розенберг дожидался желанного часа: Адольф Гитлер назначил его „министром Восточных областей“ – ему вручены захваченные гитлеровцами советские области. Барончику сорок восемь лет. Он еще полон прыти. Он видит себя Альфредом первым, российским кайзером» (цит. по: *Эренбург И.* Война. Июнь 1941–апрель 1942. М., 1942. С. 122–125). Расхождение в деталях – дневниковая запись от 25 нояб. и свидетельствует о дне предыдущем, а публикация фельетона от 5 дек. – может быть объяснено тем обстоятельством, что фельетон прозвучал по центральному радио до публикации.

²⁵ «Миф двадцатого века» («Der Mythus des zwanzigsten Jahrhunderts») – книга А. Розенберга, одного из главных идеологов нацистской партии и редактора нацистской газ. «Народный обозреватель» («Völkischer Beobachter»).

²⁶ Имеется в виду статья академика, востоковеда, общественного деятеля *Орбели Иосифа Абгаровича* (1887–1961) «Фашистские вандалы» (Ленинградская правда. 1941. 27 нояб. № 283. С. 3). Основной тезис статьи: неправомерно сравнение Гитлера с Тамерланом и другими воителями древности. Те украшали завоеванные земли, возводя на них замечательные сооружения. Здесь – разрушенные Петергоф, Детское Село, распиленная фигура Самсона, разграбленная, вывезенная Янтарная комната. Кончается статья призывом: «Близок час расплаты. <...> Истребительная война началась! <...> Сто очей за око, сто зубов за зуб. Бешеного волка убивают каким угодно оружием, как можно скорее».

²⁷ См. примеч. 23.

²⁸ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова <<Валерик>> («Я к вам пишу случайно; право») (1840) с пунктуационными разночтениями.

²⁹ 9 дек. 1941 г. ленинградское радио передало: «Наши войска освободили город Тихвин».

³⁰ 9 дек. 1941 г. советские войска полностью очистили Елец от захватчиков.

³¹ Речь президента США прозвучала по радио 10 дек., была опубликована в изложении и цитировании в газ. «Красная звезда» (1941. 11 дек. № 291. С. 4). По сообщениям центральной печати, президент «дал заверения, что правительство США твердо намерено продолжать осуществление своей программы по оказанию помощи Советскому Союзу в той борьбе, которую он ведет» и «США не согласится ни на какой исход войны, кроме победы полной и окончательной».

³² 13 дек. было опубликовано сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. В результате контрнаступления советских войск, начатого 6 дек., две немецкие ударные фланговые группировки разбиты и отступили.

³³ *Наумова Варвара Николаевна* (1911–1941) – поэт, переводчик с эвенкийского. Работала в редакциях журналов «Звезда» и «Литературная учеба». В 1930-е гг. участвовала в экспедициях на дальний Север, была сотрудником Института народов Севера. Посмертно принята в Союз писателей.

³⁴ *Панова Вера Федоровна* (1905–1973) – прозаик, драматург. Войну встретила в г. Пушкине, до прихода немцев эвакуироваться не успела. С ребенком (двое детей оставались в деревне на Украине), с тяжкими бедствиями добралась до украинского села. Впечатления от этого драматического пути впоследствии отразились в ее пьесе

«Метелица» (1942, под названием «Военнопленные», вторая редакция – 1957) и в последней автобиографической повести «О моей жизни, книгах и читателях», вышедшей посмертно. Наиболее известные произведения: роман «Кружилиха» (1947), повесть «Спутники» (1946). Кто такой «отчим Веры Пановой», остается неясным. В своей мемуарной книге Панова описала раннюю смерть отца и добавила к этому: «Дети – эгоисты, теперь-то мне очень жаль, что мама не вышла вторично замуж, она была такая хорошая и так заслуживала любви и счастья» (Панова В. О моей жизни, книгах и читателях. Л., 1975. С. 64).

³⁵ О Крайском см. публикацию с. 19–79.

³⁶ *Мерецков Кирилл Афанасьевич* (1897–1968) – советский военачальник, маршал Советского Союза (1944).

³⁷ *Савельев (наст. фам. Липавский) Леонид Савельевич* (1904–1941) – детский писатель. Автор ряда лингвистических работ. Редактор Детгиза, сотрудник журн. «Костер». В начале войны был призван в армию; может быть, сведения Борониной о гибели собрата по перу более точны, чем формулировка в позднейшем источнике: «Пропал без вести в ноябре 1941» (Писатели Ленинграда: Библиографический справочник: 1934–1981. Л., 1982. С. 270).

³⁸ Имеется в виду Михайлов Д. Д. Инициалы установлены по машинописной расшифровке дневника. См. также запись от 21 дек. 1941 г. о его кончине.

³⁹ *Валов (наст. фам. Кузьмин) Василий Игнатьевич* (1902–1941) – детский писатель, прозаик. Печатался в журналах «Чиж», «Еж», «Звезда». Автор ряда детских книг. С первых дней войны ушел в народное ополчение, участвовал в боях. В последние недели жизни был в писательской группе ПВО. Скончался от дистрофии 24 дек. 1941 г. Боронина приводит точную дату. См. записи от 25 дек. 1941 г. и от 2 янв. 1942 г. В справочнике «Писатели Ленинграда» (Л., 1982) дата смерти обозначена: «конец 1941» (С. 54).

⁴⁰ *Хмельницкая Тамара Юрьевна* (1906–1997) – критик, литературовед, переводчик. Автор работ по русской классической и зарубежной литературе.

⁴¹ *Орлов Владимир Николаевич* (1908–1985) – литературовед и критик. Специалист по русской классической и советской (в том числе грузинской) литературе. Особое место в его работах занимает творчество А. Блока. До марта 1942 г. был специальным военным корреспондентом ТАСС на Ленфронте. О состоянии Орлова Лукницкий писал 15 янв. 1942 г.: «В. Н. Орлов опух. Еще не похоронена его мать. Жена через месяц должна родить. Видел Орлова в Союзе, куда он припелся с палочкой, чтобы съесть кашу. Он – мужественный человек, но состояние его таково, что, боюсь, он не протянет долго...» (*Лукницкий П. Ленинград действует... Фронтовой дневник: Первый год войны.* М., 1971. С. 421).

⁴² О жене Орлова *Элико П.* Лукницкий писал в дневнике 5 марта 1942 г.: «...Девятнадцатилетняя жена В. Н. Орлова, Элико Семеновна, 12 февраля родила ребенка. Из дома на канале Грибоедова ее доставили волоком, на саночках, на Васильевский остров – в родильный дом. Здесь печуркой обогревалась одна-единственная палата, в которой при свете лучины принимались роды, производились операции, лежали первые дни женщины с грудными детьми. Элико родила в темноте, в тяжелейших условиях. Ребенок оказался отечным. Несмотря на все усилия и самоотверженность врачей, на одиннадцатый день ребенок умер от кровоизлияния и разрыва сердца...» (*Лукницкий П. Ленинград действует... С. 552*).

⁴³ Погостье – станция Октябрьской железной дороги, которая в период зимы 1941–весны 1942 г. стала отправной точкой для начала Любанской наступательной операции по прорыву блокады. О Мерецкове см. примеч. 36.

⁴⁴ Тетя Борониной.

⁴⁵ См. примеч. 75 на с. 73.

⁴⁶ Правильно: *Федюнинский Иван Иванович* (1900–1977) – советский военачальник, генерал армии.

⁴⁷ *Гофман Виктор Абрамович* (1899–1942) – литературовед. См. о его смерти запись от 5 февр. В машинописном варианте уточняется, что Гофман умер в стационаре педагогического института им. М. П. Покровского (позже, в 1957 г., слитого с педагогическим институтом им. А. И. Герцена). Негативная характеристика не воспроизведена.

⁴⁸ Имеется в виду семья *Коц Елены Семеновны* (1880–1967) – переводчика, правоведа, архивиста, библиографа. В годы войны сотрудник ГПБ. Автор мемуаров: *Эпизоды, встречи, человеческие судьбы // Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945*. СПб., 2005. С. 182–207. Во время блокады жила с матерью и дочерью Валентиной Александровны Коц – сотрудницей Радиокomiteта.

⁴⁹ К концу декабря наступление советских войск достигло большого успеха, и это вселяло уверенность в прорыве блокады. Однако превратить наступательную операцию в районе Мги в решающую победу не хватило сил.

⁵⁰ Имеется в виду редакция детского журн. «Костер», выходявшего в 1941–1942 гг. в радиоверсии.

⁵¹ *Эшман (псевд. Тонин) Юлий Аронович* (1910–1984) – прозаик, журналист. В 1938–1942 гг. – редактор журн. «Костер». Автор ряда научно-популярных книг для детей.

⁵² Аптека № 7 им. Урицкого располагалась по адресу: пр. 25 Октября (Невский), д. 66.

⁵³ *Розен Александр Германович* (1910–1978) – писатель, военный корреспондент. Был связан с радио, выполнял прямые задания Радиокomiteта. Зимой 1942 г. писал очерки и рассказы о ленинградцах. Автор мемуарной военной прозы «Разговор с другом» (Л., 1973).

⁵⁴ Гатчина была освобождена 26 янв. 1944 г.

⁵⁵ Е. С. Коц.

⁵⁶ Имеется в виду экранизация драмы Лермонтова «Маскарад», осуществленная реж. С. Герасимовым в 1941 г. и ставшая значительным событием в истории советского кино. Главные роли исполняли: Н. Мордвинов, Т. Макарова, С. Герасимов, С. Магарилл.

⁵⁷ 29 дек. 1941 г. О. Берггольц выступала по ленинградскому радио с предновогодним поздравлением, в которое включила чтение своих стихов «Первое письмо на Каму» и «Второе письмо на Каму», обращенных к матери – М. Т. Берггольц, находившейся в это время в эвакуации в Чистополе. На этот выпуск «Радиоэтики» поступило много отзывов радиослушателей. См., например: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. СПб., 2005. С. 123. О сходном восприятии ее стихов сама О. Берггольц писала в дневнике 1942 г.: «...ленинградцы, масса ленинградцев лежит в темных, промозглых углах <...> и единственная связь с миром – радио, и вот доходит в этот черный, отрезанный от мира угол – стих, мой стих, и людям на мгновение в этих углах становится легче – голодным, отчаявшимся людям. Если мгновение отрады доставила я им – путь мимолетной, пусть иллюзорной, – ведь это не важно, – значит, существование мое оправдано» (*Берггольц О. Ф.* Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 102–103). В дневнике 1945 г. Боронина опять вернется к теме военной поэзии Берггольц и вклеит в него газетные вырезки ее стихотворений.

⁵⁸ *Ойфа Петр Наумович* (1907–1987) – поэт. В годы войны был рядовым, участвовал в боях за Ленинград, затем – военный корреспондент ЛенТАСС, газ. «Смена». После войны работал в газ. «Ленинские искры».

⁵⁹ *Шишова Зинаида Константиновна* (1898–1977) – поэт и прозаик. Ее поэма «Блокада», по оценке известного радиожурналиста Льва Мархасева, – «одно из самых замечательных и правдивых произведений о первой блокадной зиме. 13 июля 1942 г. эту поэму (тогда она называлась «Дорога жизни») начали читать по ленинградскому радио. Начали, но не закончили. По звонку из горкома партии чтение было прервано. Поэму называли „политически неправильной“...» (Радио. Блокада. Ленинград: Сб. статей и воспоминаний. СПб., 2005. С. 95).

⁶⁰ *Лихарев Борис Михайлович* (1906–1962) – поэт. В войну работал сначала в газ. «На страже Родины», затем состоял в группе писателей при Политуправлении Ленинградского фронта.

⁶¹ См. примеч. 100 на с. 76.

⁶² *Инбер Вера Михайловна* (1890–1972) – поэт, прозаик, журналист. Во время войны Инбер находилась в осажденном Ленинграде. Выступала в газ. «Ленинградская правда», по радио, на митингах, на заводах, в школах, воинских частях. Облик трудового города запечатлела в стихах и очерках. Основные произведения того времени – ленинградский дневник «Почти три года» и поэма «Пулковский меридиан».

⁶³ *Рождественский Всеволод Александрович* (1895–1977) – поэт. В первые дни войны вступил в ряды народного ополчения, работал в газ. «На защиту Ленинграда», был военным корреспондентом, прикомандированным к 7-й армии. За военные годы выпустил две книги стихов «Голос Родины» (1943) и «Ладога» (1945). Военные стихи были собраны в книге «Родные дороги» (1947).

⁶⁴ *Гор Геннадий (Гдали) Самойлович* (1907–1981) – прозаик. В 1941 г. вступил в Кировскую дивизию народного ополчения.

⁶⁵ *Тобольков (наст. фам. Городков) Владимир Николаевич* (1898; по др. св. 1899–1942) – писатель. Родился в Тобольске, с 1923 г. жил в Ленинграде. Во время войны вступил в народное ополчение, был военным корреспондентом газ. «За Советскую Родину», участвовал в тяжелых боях под Лугой. В конце лета 1941 г. оказался в Ленинграде, заболел туберкулезом, был эвакуирован в Тюмень, где 9 апр. 1942 г. скончался.

⁶⁶ *Кучеров Анатолий Яковлевич* (1907–1968) – прозаик, литературовед, критик. Окончил ВГКИ при ГИИИ в 1930 г. Преподавал в вузе, был научным сотрудником ИРЛИ (1932–1936). В годы войны работал в военной печати Балтийского флота.

⁶⁷ Речь идет о боях под Севастополем и Евпаторией.

⁶⁸ Старый деревянный рынок, располагался на Петроградской стороне по адресу: Малый пр., 54–56.

⁶⁹ *Груздев Илья Александрович* (1892–1960) – прозаик, драматург, литературовед и критик. В годы войны занимался также радиопублицистикой. См. об этом: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. С. 102–103.

⁷⁰ *Вишневский Всеволод Витальевич* (1900–1951) – драматург, прозаик. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С юности был связан с Балтийским военным флотом. В Гражданскую войну был пулеметчиком, командиром и политработником, участвовал в боях на Волге (Волжская военная флотилия), на Украине (Конная армия Буденного), в Новороссийске (дивизия сторожевых катеров). Автор пьес «Первая Конная» (1929), «Оптимистическая трагедия» (1933) и др., сценария фильма «Мы из Кронштадта» (1936). В годы войны Вишневский возглавлял оперативную группу писателей при Политуправлении Балтфлота. По заданию последнего он вместе А. Кроном и Вс. Азаровым написал героическую комедию «Раскинулось море широко...» (1942), пьесу «У стен Ленинграда» (1944). Постоянными были его передачи по ленинградскому радио. «Дневники военных лет» впервые были изданы лишь в посмертном собрании сочинений писателя.

⁷¹ *Тихонов Николай Семенович* (1896–1979) – поэт, прозаик, публицист, переводчик. Ушел добровольцем на фронт Первой мировой войны. Это время отразилось в первых книгах стихов «Орда» и «Брага», принесших автору широкую известность. В 1920–1930-х гг. Тихонов много ездил по стране (Грузия, Армения, Азербайджан, Туркмения, Узбекистан), побывал и в странах Западной Европы, руководил ленинградской писательской организацией, с началом Советско-финляндской войны ушел на фронт. С первых дней Великой Отечественной войны, находясь в Ленинграде, выполнял задания Радиокомитета, Совинформбюро, публиковал стихи, статьи, очерки в «Ленинградской правде», в газ. народного ополчения «На защиту Ленинграда», в окружной военной газ. «На страже Родины», в центральных и дивизионных газетах. 1 дек. 1941 г. газ. «Правда» напечатала поэму Тихонова «Киров с нами» – первое крупное произведение советской поэзии, созданное в условиях блокады Ленинграда. В 1942 г. была написана поэма «Слово о 28 гвардейцах», посвященная подвигу гвардейцев под Москвой в 1941 г. Сотни военных публикаций Тихонова стали героическим эпосом, отразившим подвиг народа.

⁷² О Прокофьеве см. примеч. 21 на с. 23.

⁷³ *Саянов (наст. фам. Махнин (Мохнин)) Виссарион Михайлович* (1903–1959) – поэт, прозаик, критик. Участник Советско-финляндской и Великой Отечественной войн в качестве военного корреспондента. В эти годы вышли книги: «Фронтовые стихи» (Л., 1941), «Повесть о Кульневе» (Л., 1942), «Повести о русских войнах» (Л., 1944), «Весна 1945 года» (Л., 1945), «На полях Ленинградской битвы» (Л., 1945), «Небо и земля: Роман в четырех частях» (Л., 1935–1948), отмеченный Сталинской премией 1949 г., и др. издания. Был корреспондентом «Ленинградской правды» на процессе военных преступников в Нюрнберге, что нашло свое отражение в книге «Нюрнбергский дневник» (1946). Наиболее яркой и убедительной остается проза Саянова, собранная в книге «Ленинградский дневник» (Л., 1958), в которую вошли статьи, рассказы и заметки о подвиге ленинградцев в дни блокады.

⁷⁴ *Кетлинская Вера Казимировна* (1906–1976) – писатель, ответственный секретарь правления ЛО СП СССР (июнь 1941–29 июля 1942). Кроме организационной работы во время войны и блокады выступала в прессе со статьями и очерками. Обороне Ленинграда посвящены «Рассказы о ленинградцах» (1944) и роман «В осаде» (1947). Оценки ее деятельности на посту секретаря правления см.: *Золотоносов М. Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями. Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов. М., 2013. С. 37–91.

⁷⁵ *Кратт Иван Федорович* (1899–1950) – прозаик, драматург. В годы войны опубликовал ряд книг, в том числе: «Партизаны» (М., 1941); «Шестой „хейнкель“» (Л., 1941), «Балтийские рассказы» (М., 1942), «Труженики войны: рассказы о связистах Ленинградского фронта» (Л., 1944). Чуть позже вышла повесть о людях героической ладожской трассы «Суровый берег» (М., 1947).

⁷⁶ *Клеман Михаил Карлович* (1897–1942) – литературовед, занимался творчеством И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, А. Ф. Писемского, В. Г. Беллинского и др. Во время войны сначала находился в блокадном Ленинграде, умер в Оренбурге по дороге в эвакуацию в Среднюю Азию.

⁷⁷ См. примеч. 20 на с. 193.

⁷⁸ Тихвин был освобожден 9 дек. 1941 г.

⁷⁹ О Попкове см. примеч. 92 на с. 270.

⁸⁰ Большой пожар в Гостином дворе возник глубокой ночью 12 янв. 1942 г. по вине работников магазина – неосторожное обращение с огнем – и полностью был ликвидирован только 16 янв. (см.: *Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 186, 191).

⁸¹ О Панфилове см. примеч. 90 на с. 75. Тот же драматический факт о смерти жены Панфилова приводит в дневниковой записи от 15 янв. 1942 г. П. Н. Лукницкий (*Лукницкий П.* Ленинград действует... С. 421).

⁸² Соседка по лестнице.

⁸³ *Витя* – 12-летний мальчик, сын рабочего Кировского завода, семью которого осенью 1941 г. переселили в Петроградский район на Большую Разночинную ул., д. 3, кв. 28.

⁸⁴ *Вагнер Николай Петрович* (1898–1988) – прозаик, драматург, поэт. В 1941–1942 гг. был сотрудником политотдела Ленинградской милиции.

⁸⁵ *Вальдман Вера Семеновна* (1874–1962) – переводчик. В 1939–1941 гг. заведовала литературной частью Ленинградского театра им. Ленсовета.

⁸⁶ *Раковский Леонтий Иосифович* (1896–1979) – прозаик. В годы войны – сотрудник газет «На защиту Ленинграда» и «Ленинградская правда».

⁸⁷ Контекст записи не позволяет установить, о ком из семьи Кугелей идет речь. Известно, что журналист *Кугель Иона Рафаилович* (1873–1941; по др. св. 1942) умер в блокадном Ленинграде.

⁸⁸ *Роза Соломоновна* – в машинописной копии дневников Борониной сделано уточнение: «Драпкина – сотрудница управления Союза <писателей>».

⁸⁹ Израилевич – неустановленное лицо.

⁹⁰ *Франковский Адриан Антонович* (1888–1942) – переводчик. Переводил произведения Д. Свифта, Г. Фиддинга, Л. Стерна, Д. Дидро, М. Пруста, Р. Роллана и др. Погиб в блокаду.

⁹¹ *Энгельгардт Борис Михайлович* (1887–1942) – литературовед, переводчик. Преподавал в Институте Живого слова (1918–1919), на ВГКИ при ГИИИ (1920–1925). Работал в Пушкинском Доме, БАН. В 1930 г. был арестован по «академическому делу» и сослан в район строительства Беломорско-Балтийского канала. В 1932 г. вернулся из ссылки и продолжил филологическую работу.

⁹² *Цырлин Лев Вениаминович (Лейб Бениаминович; 1906–1942)* – критик, литературовед. В 1936 г. был исключен из партии, вероятно, по обвинению в троцкизме. В начале 1942 г. просил об эвакуации, ему было отказано. Умер в январе–феврале того же года. См. об этом: *Золотоносов М. Н.* Гадюшник. С. 39, 143.

⁹³ *Оксенев Иннокентий Александрович* (1897–1942) – критик, поэт, переводчик. Погиб в блокаду 25 янв.

⁹⁴ *Молчанов Николай Степанович* (1909–1942) – литературовед, журналист. Второй муж О. Ф. Берггольц. О его смерти Берггольц писала: «На почве тяжелейшего истощения у него обострилась эпилепсия, принявшая форму тяжкого, сначала даже буйного психоза. Он был переведен из госпиталя в психиатрическую лечебницу и 29/1 умер там». См.: *Берггольц О. Ф.* Ольга. Запретный дневник. С. 217 (письмо к М. С. Довлатовой). См. об этом также: *Берггольц О. Ф.* Собр. соч.: В 3 т. Л., 1990. Т. 3. С. 490–491. См. о Молчанове подробно: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 2003. Т. 3. С. 397–398.

⁹⁵ *Хармс (наст. имя и фам. Даниил Иванович Ювачев; 1906–1942)* – поэт, прозаик, драматург. Автор 11 детских книг, вышедших при его жизни. Член «объединения реального искусства» (ОБЭРИУ). В декабре 1931 г. и в августе 1941 г. был арестован. При последнем аресте Хармса принимают за сумасшедшего, помещают в психиатрическую больницу, где он и умирает. Дата смерти указана Борониной точно. Сведения о намерении его эвакуировать в других источниках отсутствуют.

⁹⁶ Об освобождении Смоленска см. примеч. 141 на с. 274.

⁹⁷ *Макогоненко Георгий Пантелеймонович* (1912–1986) – литературовед. Во время войны работал военным корреспондентом Радиокomiteта. Был третьим мужем О. Ф. Берггольц. После войны – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ЛГУ.

⁹⁸ *Полоцкий Семен Анатольевич* (1905–1952) – поэт, детский писатель, драматург, киносценарист. В 1942 г. был эвакуирован в Алма-Ату, где работал над сценарием о Дороге жизни. После войны по его сценариям на студии «Ленкинохроника» был снят ряд документальных фильмов.

⁹⁹ *Рысс Евгений Самойлович* (1908–1973) – писатель, публицист, сценарист. Учился на ВГКИ при ГИИИ. Сотрудничал с журн. «Звезда». Во время войны работал корреспондентом ТАСС.

¹⁰⁰ Этот рассказ о неудавшейся переправе через Ладожское озеро – все машины «попали в полыньи, затянутые тонким льдом и занесенные снегом» – и спасении от обморожения в палаточном госпитале на острове Малый Зеленец Г. П. Макогоненко приводит в публикации писем О. Ф. Берггольц к нему (*Макогоненко Г. П. Письма с дороги // Вспоминающая Ольга Берггольц. Л., 1979. С. 126–128*).

¹⁰¹ *Зуккау-Невский Владимир Гербертович* (1911–1968) – переводчик, начинал литературную деятельность в «Молодом объединении» при газ. «Смена». Вторая часть фамилии взята в память о матери, погибшей в блокаду. Из осажденного Ленинграда ушел на фронт, воевал под Лугой и Псковом.

¹⁰² Вероятно, один из родственников Борониной.

¹⁰³ *Азадовский Марк Константинович* (1888–1954) – филолог-фольклорист, специалист по истории и этнографии Сибири, текстологии, библиографии. Профессор Института книговедения, Института речевой культуры, Государственной Академии искусствознания, зав. кафедрой фольклора филологического факультета ЛГУ, зав. Сектора фольклора ИРЛИ, член ССП. 20 марта 1942 г. был эвакуирован с семьей, женой и полугодовальным ребенком, в Иркутск. См. подробнее о блокадной жизни и эвакуации в кн.: *Азадовский М. К. Сибирские страницы. Иркутск, 1988. С. 283–335*.

¹⁰⁴ *Шахматов Алексей Александрович* (1864–1920) – языковед, исследователь русского летописания, академик Петербургской Академии наук (1894), профессор Петербургского университета (с 1910), председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук (1906–1920).

¹⁰⁵ *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855–1920) – выдающийся историк русской литературы, библиограф, профессор Петербургского университета.

Е. Боронина

Мать
(Рассказ)

– Простите, товарищ комиссар, что я вас задерживаю. Но я хочу, чтобы вы поняли, почему я пришла к этому решению. Тогда вы не откажете в моей просьбе. Я буду очень краткой.

Худенькая женщина в синем берете говорила спокойно, но с той настойчивостью, которая заставляет собеседника непременно выслушать, как бы он ни был занят.

– Я учительница. Десять лет я учила детей русскому языку. У меня был сын, у меня был внук, у меня были отец и мать. Отец и мать погибли при эвакуации из Одессы. Пароход, на котором они ехали, потопили немецкие самолеты. Мой муж убит на фронте 18-го сентября прошлого года под Пулковом. У меня остался сын. Ему было десять лет. Товарищ комиссар, вы зимой были в Ленинграде?

Комиссар наклонил седую голову.

Женщина продолжила свой рассказ.

– Я слегла в конце января. Мой мальчик делал все, что мог. Он стоял по несколько часов в очереди при тридцатиградусном морозе. Он привозил на саночках воду с проруби у Петропавловской крепости и таскал ведра на пятый этаж. Он пытался даже сам стирать. И у него было мужество утешать меня: „Мамочка! Ты лежи, ты поправляйся, скоро хлеба прибавят, не умирай, золотая моя, мамочка! – говорил он. – Мы обязательно доживем с тобою до победы“.

Но [он сам] я-то, я-то видела, что он таял с каждым днем, и я ничего не могла сделать для него. Ничего... 9-го февраля его нашли на лестнице. Он был без сознания. Кто-то принес его домой. Он пришел в себя, вскочил с кровати. „А я ночью съел все кофе...“, – сказал он. Я поняла, что он говорит это в бреду, в голодном бреду. Потом он попросил: „Мамочка! Дай мне пожалуйста одну конфетку...“ – „Витенька!... У меня же нет... Ты знаешь...“ – „Мамочка! Ну, тогда дай мне маленький кусочек сахара...“, – шепнул он. – „Витенька! У меня нет сахара [даже крошечки...].

Ляг, милый: я дам тебе чаю и кусочек хлеба. Только ляг [милый...]“.

Он посмотрел на меня внимательно-внимательно и ответил тоном взрослого человека: „Нет! [мамочка] Я не лягу!“.

И я поняла его. Он отчетливо осознал, что лечь – это значит умереть. А он не хотел умирать...

Через час его не стало. [Он лежал на своей кровати будто спал. Маленький] Вместо него, живого, лежал [на кровати] скелетик, обтянутый кожей.

[Под вечер в квартиру постучала незнакомая женщина.

– Здесь живет тот мальчик, который упал на лестнице? Вот передайте эти лепешечки ему. Я взяла их от своих детей, – и она протянула мне сверток.

Я ничего не ответила. Я только отвела ее руку: „Простите! – сказала она. – Я не знала...“].

Женщина заплакала.

Комиссар поднял склоненную над столом голову. Лицо женщины было строго, спокойно, лишь чуть-чуть дрожали веки.

– Сын умер, а я вот выжила... – прибавила женщина почти шепотом.

Комиссар почувствовал, что она упрекает себя за это, и ему хотелось ответить [этой] матери, сидящей перед ним, какими-то особенными словами, но он только сказал:

– Вы должны жить. Должны...

– Да, я знаю, – ответила женщина. – Я нашла в себе силы жить. Я нашла эти силы потому, что я оказалась нужна другим детям, нужна...

– Вы работаете в детском доме? – спросил комиссар.

– Да, я воспитываю сирот в детском доме.

– Почему же вы пришли сюда, ко мне?

Женщина поднялась со стула, снова села.

– Я пришла сюда, товарищ комиссар, вот почему. Сегодня рано утром я шла по Международному проспекту. Навстречу два красноармейца вели пленного [немецкого офицера] немца. Это был рослый, здоровый юноша с интеллигентным лицом. Наверное, до войны он готовился к экзамену на кандидата наук... И вот, когда этот [немецкий офицер] пленный немец проходил мимо меня, он [улыбнулся] гадко улыбнулся, и сказал по-русски...

Женщина вдруг [замолчала. Она] побледнела, как бледнеют люди при очень сильном душевном волнении.

– Выпейте воды! – сказал комиссар.

– Нет, не надо. Спасибо! [И вот, когда этот [пленный] немецкий офицер поравнялся со мною, он улыбнулся и сказал по-русски] – женщина отвела руку комиссара с протянутым стаканом воды.

– Он [сказал мне] гадко улыбнулся, – повторила женщина. – и сказал по-русски: [„Оказывается, вы еще не все сдохли от голода. Я был уверен, что все женщины в петербурге уже сдохли от голода. Как я ошибался, мадам!...“] – Вы еще не все женщины сдохли от голода в вашем Ленинграде.

[Учительница встала]. Женщина порывисто встала.

– Товарищ комиссар! [Теперь] Я уверена, что вы не откажете в моей просьбе. Я обещала сама убивать убийц моего сына. [Я должна убить] Я мать. Они все такие, как этот немец...

Комиссар взял перо и написал несколько слов на уголке заявления, лежащего перед ним.

– Ваше ходатайство удовлетворено, – тихо сказал он. – Вы зачислены добровольцем-красноармейцем в стрелковый полк.

Потом он подошел к женщине, взял за руку и подвел к окну.

– Хорошая вы моя, посмотрите...

От края неба до края сияла радуга, широкая, лучистая.

– Это ворота бессмертия над нашим [городом] Ленинградом, товарищ комиссар. – И худенькая женщина в синем берете впервые улыбнулась.